

ЕЛЕНА КОЛИНА

Умница,
Красавица

А у нас сегодня страсть,
а у вас?..

Елена Колина

Умница, красавица

«Елена Колина»

Колина Е.

Умница, красавица / Е. Колина — «Елена Колина»,

ISBN 978-5-17-058084-2

В наше время никто не бросается под поезд от любви... Но ведь у каждого свой личный поезд, правда? В наше время никого не шокирует развод... если он чужой. В наше время никого не волнует измена. А если это НАМ изменили? История современной Анны Карениной, нашей близкой знакомой, умницы и красавицы, читается на одном дыхании, волнует и заставляет подумать о своем, личном, а присущая автору ирония делает ее не только увлекательной, но и трогательно смешной. Соня Головина – счастливица. У нее есть все, трудно даже перечислить, сколько у нее всего есть, и все на удивление замечательно: и муж, и любовник, и свекровь, и положение в обществе, и работа в Эрмитаже, и обеспеченность – она даже забывает получать зарплату. Соню Головину любят двое: ректор петербургской академии и московский пластический хирург. Все трое – современные люди, так почему же классический любовный треугольник приводит Соню Головину туда же, куда привел Анну Каренину?

ISBN 978-5-17-058084-2

© Колина Е.

© Елена Колина

Содержание

Питер	7
1 апреля	7
Невский экспресс, Санкт-Петербург – Москва	12
Москва	17
Ленинградский вокзал	17
Ночь	20
О влиянии насупленных бровей на хрупкую детскую психику	26
День первый	29
День второй	37
Невский экспресс, Москва – Санкт-Петербург	43
Питер	45
Московский вокзал	45
О влиянии заячьих ушей на формирование личности	49
Дома	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Колина

Умница, красавица

*Посвящается всем, кто когда-нибудь
очень сильно кого-нибудь любил,
любовь в детском саду тоже считается...*

Человек, который пишет роман о любви, сталкивается с одной проблемой – это друзья и знакомые. Я все время с ними сталкивалась, и они говорили: «Ну, как там наш роман?» Или так: «Мы роман о любви сочиняем». Каждый из них почему-то был убежден, что я только технический исполнитель, а на самом деле это его роман. А может быть, они правы и это ЕГО роман или ЕЕ роман?..

У нас всегда много соображений по поводу времени, в которое мы живем.

– В наше время никого не волнует развод... Но ведь это чужой развод никого не волнует, а НАШ собственный?

– В наше время никого уже не волнует измена... Но если это НАМ изменили?..

– В наше время никто не бросается под поезд от любви... Под поезд – это, конечно, слишком, хотя и такое случается, но ведь у каждого человека свой личный поезд, правда?

– Неужели любовь, страсть, любые сильные эмоции сами по себе извиняют любую гадость?.. Она всем испортила жизнь, ни о ком не подумала – ни о муже, ни о ребенке, ни о любовнике, наконец!..

– Но все-таки жалко ее, правда?

– Нет. Не жалко. У нее была не любовь, а страсть.

– Любовь и есть страсть, это научное определение...

– Ерунда. Страсть – это когда кого-то так сильно любишь, что хочешь его съесть, а любовь – когда помнишь, что он тоже человек. Это мое научное определение.

Если вы думаете, что это сплетничают две школьницы старших классов, вы ошибаетесь. Это два взрослых человека, юрист и психолог, сблизив головы над чашками кофе в модном кафе, горячо обсуждают одну свою близкую знакомую, бросившую мужа и ребенка ради любовника, – Анну Каренину. Люди иногда бывают такими странными, правда?.. Как будто Анна, и Каренин, и Вронский – живые, настоящие!.. Кстати, Кити я ненавижу, поэтому о ней я не упомянула. Ей было все равно кого любить, она просто хотела замуж.

А разве ВЫ знаете, что думают о вас люди? Возможно, они думают о вас «ах, какая прелесть», а может быть, как про Соню Головину, – «сучка». Или, если вы мужчина, – вы никогда не торопились отвести взгляд от начальника или от официанта, чтобы не прочитать в нем «нуты козе-ел»? И вообще – что мы знаем друг про друга, как оцениваем людей и как они нас оценивают? Вот, к примеру, консьержка дома номер 38 А по Таврической улице не пустила Льва Николаевича Толстого с парадного хода. Он пришел в гости к художнику Ярошенко, а она его не пустила, потому что он был не так одет – в зипуне, и тогда Льву Николаевичу пришлось идти с черного хода. Во всяком случае, именно такую историю Соня получила в наследство от своего отца.

Теперь в доме номер 38 А по Таврической улице живет сам Алексей Юрьевич Головин, и если бы Толстой Л. Н. пришел в гости к Головину А Ю. в зипуне, то охранник не пустил бы его с парадного хода. А черный ход Головин А Ю. приказал закрыть.

Сейчас по внешнему виду тоже трудно разобраться, кто есть кто. Не говоря уж про нашу внутреннюю сущность, тут вообще ничего не понять, – такие разнообразные зипуны, джинсовые курточки и норковые шубы мы надеваем на собственные души. Так и ходим по Питеру и по Москве неизвестными переменными, иксами и игреками...

Соня Головина никогда не думает, что ее кто-то оценивает, потому что для самой себя она абсолютная величина. Она живет в Питере, и москвич может сказать, что у нее питерский акцент. А разве у нее есть какой-нибудь акцент? Она же говорит безо всякого акцента, просто ГОВОРИТ. А сама Соня про москвича скажет – у него же типичный московский говор!.. Но и москвич тоже не думает, что у него какой-то там говор, – просто говорит. Или возьмем незамужнюю девицу Броню семидесяти пяти лет, – вообще говорит по-русски черт-те как. И что вы думаете, эта Броня, она знает свои недостатки? Ничего подобного, болтает не закрывая рта, и все.

Питер

1 апреля

Если бы чужие мысли могли материализоваться, то к вечеру пятницы Соня превратилась бы в маленькую собачку женского пола. «Сучка» – вот что сегодня, первого апреля, в пятницу, думали о ней посторонние и ей, и друг другу люди.

«Этот знаменитый актер никогда не имел проблем с женским полом», – прочитала Соня Головина в журнале «Звезды». Может быть, теперь можно говорить: «Я имею проблемы с мужским полом»? Или так: «У меня было много мужского пола». Язык – дело такое: чуть зазевался – раз, и образовались новые формы. Раньше можно было зажигать свечи или зажигать огни на елке, а теперь «зажигать на елке в детском саду» означает безудержно веселиться – до упаду плясать в заячьих ушах и кружиться снежинкой в марлевой юбочке.

«Сначала знаменитый актер внешне не был красавцем», – было дальше написано в журнале «Звезды».

Вот и Соня тоже. Сначала она не была красавицей, особенно внешне. А внутренне, напротив, Соня всегда была красавицей, что подтверждается дипломами, выданными ей за первые места в школьных олимпиадах по литературе, припиленными к стенам в гостиной Сониной мамы Нины Андреевны, – рядом с ее дипломом кандидата наук.

А потом Соня и внешне стала красавицей. Что подтверждается ее машиной марки «крайслер», голубой норковой шубой, собольей шубой («соболья шуба» звучит так, словно Соня сказочная царица-владычица морская и к шубе у нее еще имеется корона), бриллиантовым колье работы известного петербургского мастера, а также небрежностью, с которой Соня обращается с офицерами дорожно-патрульной службы, официантами в модных ресторанах и продавцами в дорогих бутиках. В то время как ее мама Нина Андреевна, кандидат научных наук, дожила до седых волос, а до сих пор робеет обслуживающего персонала, путая его со всякого рода непосредственными начальниками над собой. А Соня нет, никого не боится и уж больно многих вокруг себя считает обслуживающим персоналом! К примеру, даже стоматолога, или гинеколога, или... да всех, всех!..

Соня очень независимая, и вообще она женщина сильных страстей. И никогда не стеснялась в своих желаниях, просто брала все, что хотела. В детском саду отбила одного мальчика, била-била соперницу совком и отбила. Тянула мальчика за руку, громко воя от страха, и кричала сопернице «сейчас ка-ак дам по башке», – тоже от страха!.. Правда, в дальнейшем Соня такой разнузданной страсти не показывала, – оказалось, все, что хочется, можно получить и без воя.

Соня Головина нисколько не интересовалась звездами из журнала «Звезды», – она сама себе звезда. У каждого человека есть свое главное слово, и Сонино главное слово было «смысл», а еще «правильно». Какой смысл интересоваться теми, кто ничуть не интересуется тобой? Правильно ли занимать свои мысли теми, кто даже не знает, что тебя зовут Соня Головина? Она просто пила кофе в Эрмитажном кафе, и ее взгляд случайно упал на кем-то забытый журнал.

Соня выбросила бумажный стаканчик и направилась к главной лестнице, – у нее было одно небольшое дельце в 213-м зале и еще одно в зале Тициана.

«Счастье, это счастье», – привычно подумала Соня, взглянув на Неву из окна Павильонного зала, – золотой павлиний хвост отражался в оконном стекле, наплывая на черные ветки

деревьев на набережной. Из окна Эрмитажа Соня всегда смотрела на жизнь философски, – Невы державное течение, береговой ее гранит и прочее.

«Святой Иероним» и «Святой Доминик», две маленькие картины Боттичелли. Быстро взглянуть на них и убежать – вот какое было Сонино дельце в 213-м зале. Затем через зал Леонардо да Винчи в зал Тициана к «Святому Себастьяну», – какой же он красивый, – беззвучно чмокнуть губами воздух «я тебя люблю», и теперь все.

Синий «крайслер» был припаркован возле атлантов. Сонин личный атлант – шестой справа. Соня дотронулась до своего личного атланта, – это была ее примета, она не означала ничего конкретного, а просто «все хорошо», – и внезапно почувствовала, как накатывает знакомый приступ злости.

Эту свою злобу, когда всё, любую встречную живую и неживую природу, хотелось изо всей силы укусить или пнуть, Соня называла «речка-кретинка, дуб-осел». Никаких внятных причин для злости не было, – просто пятница, а по пятницам на нее всегда находило, вот и вся причина. В таком состоянии души лучше всего было изучать разные формы жизни, к примеру болтаться по бутикам на Невском.

Из окна Эрмитажа Соня всегда смотрела на жизнь философски, а когда Соня смотрела на жизнь сквозь витрины бутиков, она не думала ни о чем вечном и суровом, а просто сразу же хотела все купить.

– Но у меня уже есть одна голубая норка... Может быть, это разврат – иметь две голубые шубы? Или ничего? Как вы считаете, девочки? – задумчиво обратилась к продавщицам Соня, демократичная любительница голубых норковых шуб.

Сонина мама Нина Андреевна иронически называет Соню буржуинкой. И если бы Соня принимала Нину Андреевну всерьез, ей было бы это особенно обидно, – Соня в детстве любила Гайдара и никогда не позиционировала себя как Мальчиш-Плохиш, а только как Тимур и его команда.

Нина Андреевна злится, что дочь, на ее глазах сменившая пионерский галстук на комсомольский значок, воспитанная в уважении к идеям равенства, выросла такой, можно сказать, норковой нахалкой. Утверждает, будто бы Соня так беззастенчиво тычет в лицо простым людям у них же отобранное народное богатство и свой нечестно доставшийся социальный статус, что просто смотреть противно.

Хотя не исключено, что Нина Андреевна наговаривает на Соню, а на ее месте сама вела бы себя именно так, – потому что она умеет быть или начальником, или подчиненным, а больше никак не умеет. А в глубине души гордится Соней и немного ее робеет, как будто дочь внезапно стала ее начальницей – согласно невидимому штатному расписанию. Так что все противоречия между бедными и богатыми, как в зеркале, отражались в отношениях Сони в шубе и «крайслере» и ее мамы Нины Андреевны в идеалах и голубом китайском пуховике, приобретенном с рук в переходе станции метро «Гостиный двор».

Соня так интимно шептала «купить-не купить, длинная-короткая», словно на мгновение благосклонно впустила в свою жизнь стоявших вокруг нее в карауле продавщиц, толстую блондинку и тощую рыжую.

– Вам идет, и в профиль, и в анфас, – сказала рыжая продавщица специальным продавщицким голосом, одновременно вежливым и хамоватым, словно на самом деле шуба ужасно Соню уродовала.

– Нужно говорить «в профиль и анфас», – сухо поправила Соня, роясь в сумке в поисках звонившего телефона, словно резким жестом выдворяя продавщиц прочь из своей жизни. Блондинка и рыжая немедленно показали лицами, что Сонина жизнь им не так уж и понравилась.

Продавщицам запрещалось ненавидеть клиентов, обзывать и как-либо проявлять свою личность во время рабочего дня, но им не всегда удавалось удержаться. «Сучка», – выразили лицом обе, блондинка и рыжая.

– Соня, Соня! – закричал Левка. – Оглохла ты, что ли, звонка не слышишь!.. Сонька! Ты где?

– Не сонькай и не кричи, – радостно отозвалась Соня. Связь с Москвой была такая, словно Левка стоял рядом. – Я на Невском, меряю голубую шубу.

– А что у тебя внизу надето? Внизу, где ноги, – уточнил Левка, тонкий эстет по части обуви.

– Молодец, знаешь, где верх, где низ, – рассеянно похвалила Соня, скинула шубку на руки толстой блондинке, направилась к выходу, по пути задев рукавом вазочку с искусственной розой, и, не глядя, переступила через осколки.

Тоненькая, с изящными движениями Соня, занимающая так мало места в пространстве, была таким неловким медвежонком, как будто она все время выпадала сама из себя. Уронить что-нибудь, задеть, перевернуть, скинуть было для нее совсем обычным, не стоящим внимания делом. Она то поворачивалась неудачно, то рукой махала широко, как Василиса Премудрая, только у той из рукава вываливались кисельные берега и молочные реки – приятные и полезные вещи, а вокруг Сони бессмысленно летали вазы, чашки, зеркала и разные другие предметы.

Блондинка проводила Соню взглядом и мечтательно сказала:

– Наверное, какая-нибудь банкирская жена... или эта, как ее... светская дама.

– Ага, дама! – зло возразила тощая рыжая. – Она вообще проститутка. Бывшая.

– Ты что проститутка?! Она такая... А почему бывшая?

– Прессу почитай. Девушки для сопровождения как раз такие... Там нужно, чтобы был класс. А бывшая, потому что уже на пенсии, – ей лет тридцать пять, не меньше.

– Да ты что, она совсем молодая, – возразила добрая блондинка, – от силы двадцать семь...

– Ага, двадцать семь, как бы не так! Просто не вылезает из косметических салонов... Если бы у меня были деньги...

* * *

«Крайслер» был такой новый и такой синий, что при взгляде на него Соня испытала мгновенное чувство радости, что-то вроде «мяу, жизнь удалась!».

– Соня! Ты, конечно, не можешь приехать? – спросил Левка голосом «я самый несчастный человек на свете».

– Лева! Конечно, не могу. А что у тебя случилось?.. – спросила Соня голосом «я тебе не нянька».

– Дома неприятности... – отозвался Левка голосом «нет, нянька, нянька, у меня нет никого, кроме тебя».

Левке было сорок, и, хотя он всегда разговаривал с Соней, словно был ее избалованным братиком-малышом, на самом деле он был СТАРШИЙ брат. Старший брат и виртуоз вербовки, – он всегда делал Соне предложение, от которого нельзя было отказаться. Просил ее о чем-то совершенно нереальном, невозможном, к примеру отдать ему ВСЕ варенье, и в ответ на ошеломленное «Ни за что на свете!» не отступал, как все нормальные люди, а, напротив, быстро конкретизировал задание. «Положи все варенье в ГОЛУБУЮ вазочку». А затем, словно закрепляя крючок в рыбе, добавлял железный аргумент: «А то я не буду любить тебя больше всех». Или НЕСЧАСТНЫЙ ГОЛОС. Или внезапный грипп, от которого одно лекар-

ство – ВСЕ ВАРЕНЬЕ В ГОЛУБОЙ ВАЗОЧКЕ. Левка старший, но всегда был как будто младший, – младший любитель варенья.

На этот раз железным аргументом была Ариша, давняя Левкина подруга и Сониная приятельница.

– Сонь, – Ариша взяла трубку, – приезжай! Приезжай срочно! У Левки ТАКОЕ случилось... Нет, по телефону не могу. Ему плохо, Соня, ему очень плохо... Он сам тебе не скажет, а ты ему очень-очень нужна. Ты вообще ему сестра или где?!

– Или где... Но как же?.. И что я скажу?.. – удивилась Соня. Она разговаривала с Левкой неделю назад, и ни о чем ТАКОМ речи не было. – Ты же знаешь, я не могу...

– Нет, ты можешь, можешь! Просто скажи «да», – заныл Левка и тут же по-деловому договорил: – Прилетай вечерним рейсом. Что ты там пищишь? Никак не можешь? Тогда поездом.

– Только не ночным, а сидячкой, – трубку выхватила Ариша, – а то до завтра я просто не доживу. Как при чем здесь я?.. Мне ты тоже очень нужна, у меня тоже ТАКОЕ... Приезжай скорей, а то я тебя разлюблю и полюблю кого-нибудь другого.

ТАКОЕ у Ариши случалось пару раз в месяц. Дружба ее с Соней была почти что одно-сторонней, заключалась в Аришиных звонках по Аришиной же надобности и зиждилась на Аришиной необходимости иметь человека, который никогда никому не расскажет ее секреты. Аришины секреты были – скоротечные связи, но объявленные любовники были так многочисленны, что у Сони изредка закрадывалась мысль – уж не присочиняет ли Ариша кое-что, или почти все, или даже ВСЕ?..

«Я очень-очень нужна Левке, Арише я тоже очень нужна», – досадливо повторяла про себя Соня, двигаясь по Невскому в крайнем левом ряду, с тем чтобы развернуться на Маяковского и поехать домой.

...Приятно все же, когда говорят: «Дорогая Соня, ты всем нужна, мы буквально не знаем, как без тебя жить...» «...Нет, ну что ТАКОГО может случиться у Левки... а уж Ариши тем более», – возмущенно подумала Соня и, резко метнувшись в правый ряд, направилась к Московскому вокзалу.

Соня огляделась в поисках свободного места, но свободного места не было, и она проскользнула вслед за черным «мерседесом» на закрытую стоянку.

– Эй, сюда нельзя, – подбежал охранник, – быстро выезжаем назад!

– Почему вы обращаетесь ко мне на «эй»?! – возмутилась Соня, вылезая из машины. – Вы знаете, кто я?! Ах, не знаете? Тогда ведите себя прилично, а то у вас могут быть серьезные неприятности!

«Сучка», – подумал охранник, но беззлобно. Ему понравилась Соня, прилетела, как ведьма на помеле, с блестящими от злости глазами и длинными разметавшимися волосами.

– А кто вы? – поинтересовался охранник.

– Кто я?.. Да никто, – передумала нагличать Соня и, не глядя, вытащила из сумки сто долларов.

Охранник мысленно раздел ведьмочку, но раздетая она ему не особенно понравилась, – нежная, с тонкой талией и круглой попкой, но на его вкус слишком уж узенькая, слишком фарфоровая. «Интересно, – подумал он, – какая она там, внутри, тоже такая узенькая?..»

Растолкав очередь у окошка, Соня яростно сверкнула глазами на слова «билетов нет» и, упрямо закусив губу, бросилась на перрон. Невский экспресс уходил в 18.28.

– Посажу за... – проводник оглядел Соню, – за сто пятьдесят долларов. Или можно за двести с питанием.

– А за триста можно? – насмешливо спросила Соня, на всякий случай ухватившись за поручень, чтобы поезд не ушел без нее.

Через пару минут Соня влетела в вагон победительницей проводника, – ей удалось доторговаться до пятидесяти долларов. «Сучка...» – печально думал проводник.

...Кураж прошел, и Соня вдруг очень сильно, до мгновенного жара, испугалась... неужели она и правда едет в Москву, без зубной щетки и разрешения мужа?..

Невский экспресс, Санкт-Петербург – Москва

Кому-то внезапная поездка в Москву покажется вполне пустяшным делом, не стоящей испуга ерундой из области «подумаешь», и покажется странным, что для Сони эта поездка была как... как будто с Невского проспекта она полетела на Луну...

Но ведь Соня Головина не была мастером резких решений, и не в ее привычках было срывать, метаться, внезапно уходить и драматически приходить... В детстве Соня Николаева была искренне «хорошая девочка», настоящая, от души, отличница, да и взрослая ее жизнь была как дневник отличницы, разлинованный тетрадный листок, где справа от «намечено» обязательно стояло «выполнено», а слева от «выполнено» непременно стояло «намечено». И никаких случайных «выполнено» на листке не было, – откуда же им взяться?.. Даже Сонина пятничная повышенная злобность подчинялась ее «намечено», – она же ЗНАЛА, что по пятницам всегда злится. Хотя если знаешь, что сегодня будешь сердиться и склочничать, это уже не то и в некотором роде пропадает вся прелесть...

Так что эта поездка в Москву именно что была для Сони как полет на Луну... Но сегодня так уж все сошлось – давно уже беспокойное сердце за Левку, любопытство к Аришиному «ТАКОЕ», ну, и конечно, пятница, день злости и тоски.

– Едешь? – перезвонил Левка.

– Еду, – удивленно ответила Соня.

– Ура, – сказал Левка, – умница.

Вагон был похож на автобус – в каждом ряду по два кресла. Толстушка в соседнем с Соней кресле одновременно приступила к чипсам, кока-коле, детективу в яркой обложке и приятному знакомству с Соней. Соня в ответ посмотрела холодно, – питайся, обжора, только умоляю, отстань и не чавкай, – и резко отвернулась, задев рукавом толстушкино питание. Питание посыпалось на пол, и Соня наклонилась, пытаясь выудить из-под кресла пакетик чипсов.

– Николаева! – произнес строгий голос.

Еще не поняв, кто хозяин строгого голоса, Соня почему-то испытала мгновенное желание не вылезать из-под кресла, – а что, можно и под креслом неплохо доехать.

– Николаева! – повторил голос.

– О господи, Мышь! – прошептала Соня.

– Мышь, мышь! – испуганно подхватила толстушка.

– Тс-с! – прошипела Соня из-под кресла. – Нет тут никаких мышей! Мне показалось!

Ах, черт, вот не повезло! Скажу, что я не Николаева... или что я да, Николаева, но разговаривать не могу, потому что онемела и к тому же прямо сейчас ложусь спать.

– Здравствуйте, Алла Иванна, – четко произнесла Соня, выпрямившись с напряженной спиной.

– Садись, Николаева, – разрешила Мышь.

Мышь сидела через проход от Сони. Строгий голос, пронзительный взгляд, маленькое кислое личико как сморщенное яблоко, все вместе – учительница русского языка и литературы Алла Ивановна по прозвищу Мышь.

Соня боялась Аллу Ивановну, впрочем, не она одна, – ее боялись всей школой. Алла Ивановна была остроумная, колкая, злая – опасная, и в выражениях не стеснялась, могла сказать что угодно, особенно если замечала проявление каких-то внешкольных отношений – улыбочки всякие, смешки, взгляды, выставленные ножки, томные глазки... Наверное, Мышь думала, что они еще маленькие, а маленьких можно обижать.

От Мыши било таким мощным учительским током, что по ее команде Сониная соседка мгновенно переехала на ее место со своими чипсами, и Алла Ивановна расположилась рядом с Соней.

– Ну что, Николаева? – хихикнула она. – Помнишь, как ты сказала: «Анна Каренина гадина, – нельзя бросать человека только за то, что тебе не нравятся его уши»?

– Я совсем не то имела в виду, Алла Иванна... – ноющим голосом проговорила Соня, и обе рассмеялись, – двадцать лет прошло, а вы помните...

– Я не все помню, а то, что этого достойно. Как ты живешь, Николаева? Ты счастлива? У тебя хороший брак? – требовательно спросила Алла Ивановна. – Я знаю, кто твой муж...

– Брак хороший, – ответила Соня, – только вот уши... уши не очень.

– Николаева! – возмутилась Алла Ивановна. – Чем тебе не нравятся уши твоего мужа?! Я видела их по телевизору... То есть я видела твоего мужа, он исключительно достойный человек, столько делает для нашего города...

– Я пошутила, – кротко отозвалась Соня, – у моего мужа самые большие и красивые уши на свете.

Когда-то, много лет назад, учительница русского языка и литературы Алла Ивановна лишила ученицу 9 Б Соню Николаеву невинности.

* * *

...Алла Ивановна называла Соню Николаеву Роковой Засоней. Обидно, когда тебе говорят: «Роковая Засоня, к доске!» Или: «Никто не раскрыл тему сочинения, кроме Роковой Засони. Засоня – пять-пять». Соня думала, ей и аттестат выдадут на имя Засони Николаевой.

Почему же Роковая Засоня, такое странное прозвище? Алла Ивановна, особенно внимательная к воям веющим в классе любовным вихрям, намекала, что мечтательная, с дремлющим уплывающим взглядом Соня попала в драматичный любовный треугольник. Соня спала и мечтала, получала свои пять-пять, а вокруг нее кипели страсти – два лучших в классе мальчика боролись за ее любовь.

Был мальчик, была зима, с мальчиком гуляли по Стрелке. Шел снег, такой сильный, что Соня была похожа на снежную бабу. Защищая Соню от снега и ветра, мальчик прижал ее к гранитному парапету, впустив Соню в маленький безопасный домик из своих рук, поцеловал. Соне стало неприятно от ощущения ледяной полоски чужих крепко сжатых губ и приятно, что она мгновенно стала ДРУГАЯ...

А потом Соня и не помнила, что было... Был другой мальчик, и целоваться с ним ей понравилось больше.

И вдруг все эти тайные страсти вышли наружу. Хотя какие страсти?.. И Соня, и оба мальчика были не особенно продвинутые – просто дети. Ничего и не было, кроме поцелуев сжатыми губами...

Но первый мальчик грозил покончить с собой, как-то напоказ, публично грозил, – все знали. Однажды даже встал на подоконник в спортзале на четвертом этаже, – если Соня не будет с ним, он выбросится из окна. Мальчик как встал, так и слез, а Соню ругали, очень ругали... Сейчас смешно и невозможно понять, но Алла Ивановна всерьез обсуждала с классом – Роковая Засоня не имеет права любить, кого хочет, а должна быть в ответе за того, кого УЖЕ приручила.

– Такие женщины плохо кончают, – сказала Алла Ивановна, – вспомни Анну Каренину.

Соня не хотела быть как Анна Каренина, Соня плакала и просила прощения – у мальчика, у класса, у Аллы Ивановны. Она и сама готова была встать на подоконник, только чтобы опять быть хорошей или, по крайней мере, не быть ТАКОЙ плохой, поэтому после собрания

разрешила победившему мальчику делать все, что ему было приятно, – это был ее долг перед ним за то, что он стоял на подоконнике на четвертом этаже. Было больно, было много крови, и у нее, и почему-то у мальчика тоже. Брезгливую Соню тошнило, и все это вместе называлось – быть в ответе за того, кого УЖЕ приручила... Четвертый этаж все-таки.

Столько лет прошло... Алла Ивановна изумилась бы, узнав, КАК хорошо Соня ее помнит, но ведь никто не знает, какими занозами мы продолжаем жить в чьей-то памяти.

Сейчас Алле Ивановне вменили бы эмоциональное давление, мстительно думала Соня. Ей хотелось... нет, не нагрубить, а просто установить с Мышью ДРУГИЕ отношения. Например, покровительственно улыбнуться и сказать: «А, да-да, я помню, кажется, вас называли Мышь...», или презрительно отвернуться, или еще что-нибудь в этом роде. Но установление новых, непривычных отношений вместо тех, что уже когда-то были, требует душевных затрат, поэтому Соня еще немного испуганно-вежливо поулыбалась Мыши, а затем сосредоточилась и приступила к обязательным звонкам.

Звонок первый.

– Ты только не сердись сразу, я в поезде, я в Москву еду... Нет, не с первым апреля... – тоненько сказала Соня, но, вовремя спохватившись, перевела голос в нижний, драматический, регистр. – У Левки неприятности, и у Ариши тоже неприятности. Нет, у каждого свои неприятности, а не одни на всех. Не сердись. Нет, точно не с первым апреля...

И зашептала-заворожила в трубку:

– Ты меня любишь? Любишь-любишь... – тут Соня немного смешалась.

Алла Ивановна заметила, что ее бывшая ученица не удержала лицо, – такая реакция бывает у человека, который вдруг понимает, что шепчет-ворожит в пустоту.

Звонок второй.

– Валентина Даниловна, я знаете где? Не знаете? А я в поезде. В Москву еду. Нет, ничего не случилось, просто... настроение плохое. Нет, не очень рассердился, почти совсем не рассердился. Ну и черт с ним? Хорошо. Присмотрите за Антошей? Ему к понедельнику сочинение по Лермонтову задано. Лермонтов у него в левом ящичке стола. Целую крепко, ваша репка.

– Избаловала ребенка. Что задано, «Герой нашего времени» или «Мцыри»? – прокомментировала Алла Ивановна. – Это твоя подруга?

– Свекровь.

Звонок третий.

– Мне пришлось срочно уехать. Не забудьте Антоше гранат почистить. У него завтра теннис не в пять, а в четыре. Все, пока.

Любопытная Мышь пошевелила носом:

– Это твоя подруга?

– Домработница.

Соня, гордясь, рассказала Алле Ивановне про своего ребенка, и Мышь, гордясь, рассказала Соне про своего ребенка.

Антоша любит животных и играет на саксофоне, то есть хочет играть. На фотографии – пухлые щеки, уплывающий взгляд.

Алеша – известный пластический хирург, играет в теннис, скоро женится, то есть Алла Ивановна хочет, чтобы он женился. На фотографии – короткая стрижка, прямой взгляд.

Несносная Мышь все говорила и говорила... Бу-бу-бу, бу-бу-бу... Алексей прекрасный хирург, Алексей бесплатно оперирует в муниципальной больнице, Алексей на свои деньги сделал детям из ожогового центра подарки к Новому году, Алексей, Алексей, Алексей...

Соня задремала, изредка встряхиваясь, как щенок, и проявляя натужный интерес: «Да что вы говорите, Алла Иванна, неужели, потрясаяще, не может быть, просто замечательно...» Странно все же – у бесполой Мыши сын!.. Кто-то обнимал ее, говорил: «Мышь, любимая»... – рассеянно размышляла Соня.

...Бу-бу-бу... Она надеется, что Алексей скоро женится... Девушка из очень хорошей московской семьи... бу-бу-бу... семья замечательная, они творческие люди, интеллигентные, с положением... бу-бу-бу, бу-бу-бу...

...Когда же ты замолчишь, Мышища невыносимая, достала меня со своим Алексеем!..

– Алексея вся Москва знает...

Соня фыркнула. В Москве всегда говорят «вся Москва знает» или «вся Москва сейчас увлекается...», а в Питере никому не приходит в голову сказать «весь Питер вчера ходил в кино» или «весь Питер считает...». В Питере каждый сам по себе, а в Москве все вместе. И любая Мышь думает, что ее знакомые и знакомые знакомых и есть «вся Москва». А может быть, и правда есть эта «вся Москва»?.. Может быть, питерцы не любят москвичей, потому что они просто не умеют их готовить?..

– Николаева! Не спи, когда я с тобой разговариваю! – прикрикнула Мышь и завела с зевающей Соней беседу о прекрасном.

Николаева, русская литература погибла... бу-бу-бу... бульварные романчики о пластелиновых страстишках... бу-бу-бу... А где же истинные страсти, метания духа, любовь, ради которой под поезд?! Где новый Толстой, я тебя спрашиваю? А, Николаева?! Анна Каренина... бу-бу-бу... грех... бу-бу-бу... Вронский... бу-бу-бу...

– Да, Алла Иванна...

– Сейчас все такие неразвитые, инфантильные... Совсем не умеют чувствовать!.. Душевная жизнь современных тридцатилетних сводится к «позвонил, блин, не позвонил, блин»... Тогда современной Анне Карениной должно быть лет семьдесят... Хотя... Я иногда думаю, что произошло бы с Анной Карениной в наши дни, – застенчиво потупившись, сказала Мышь.

– О господи, что? – удивилась Соня. Глупая романтическая Мышь мечтает о любви – не испытать, так хоть почитать... – Да ничего.

Ничего бы с ней не произошло, потому что сейчас все это НЕВОЗМОЖНО. В наше время не бывает таких безумных страстей, любовь, из-за которой под поезд, слишком дорогая вещь, на эти деньги можно купить много вещей подешевле. Сейчас все больше клонится к романам и романчикам – как полюбили, так и разлюбили. В наше время никого больше не волнует вопрос супружеской измены, в наше время невозможно разлучить женщину с ребенком, в наше время никто не бросается под поезд от любви – вот такие у Сони были соображения.

– Ха!.. А если включить телевизор? А если ток-шоу? Там такое рассказывают!.. – такие у Мыши были соображения. – Ну ты же была способная девочка... представь себе, что ты пишешь сочинение.

Соня знала «Анну Каренину» наизусть. Да что там знала, она жила в этом романе: Анна, Каренин, Вронский – они все были для нее живые, уж во всяком случае, много живее приставучей Мыши. Уж лучше обсуждать с Мышью современную версию «Анны Карениной», чем слушать ее надоедливую болтовню о сыне...

Соня с Мышью разыгрались, обсуждая персонажей, и особенные страсти почему-то разгорелись вокруг образа Каренина.

– Каренин – олигарх или банкир, потому что он был обеспеченным человеком из высшего общества, – это Мышь, увлеченно, всерьез.

– Каренин НЕ олигарх и НЕ банкир, потому что ЭТИ люди не испытывают человеческих чувств, а только и смотрят, как бы кого недружественно поглотить или обанкротить, – это тоже Мышь, поразмыслив, увлеченно, всерьез.

– Каренин не должен быть чиновником, потому что наш чиновник – гадость, а Каренин – прелесть, – это Соня, хихикая.

– Каренин – это президент, потому что он был государственный человек из Петербурга, – это тоже Соня, поразмыслив, хихикая.

На взрослый взгляд, в отличие от зависимого детского, колкое злобенькое остроумие Мыши оказалось забавным, и до Москвы они приятно провели время за литературными трудами. Когда за малиновыми шторками показалась Москва, бывшие учительница и ученица уже придумали почти всех персонажей, Мышь для романтической истории, а Соня для комикса – про преступную любовь и трагическую гибель героини под колесами поезда на Московском вокзале.

– Николаева, а зачем ты в Москву? – спохватилась Мышь. Она любила знать о своих учениках все.

Я, как Анна, еду в Москву улаживать семейные дела брата. Всю дорогу приятно беседую с Мышью. Мышь сойдет за графиню Вронскую. Сына Мыши зовут Алексей, как Каренина и как Вронского. Мой муж тоже Алексей. Ой!

Ой-ой-ой!.. Анна встречает Вронского на вокзале, и начинается – страсть...

Жаль, что я не смогу влюбиться в сына Мыши. А было бы забавно.

Москва

Ленинградский вокзал

Аллу Ивановну у вагона встретил известный в Москве пластический хирург Алексей Князев, а Соню у вагона не встретил Левка, известный в Питере виртуоз вербовки и врун. Левка всегда опаздывал, всегда придумывал сразу несколько очень важных обстоятельств непреодолимой силы, и сейчас по его вине Соня выглядела перед Мышью и ее сыном бедной невстреченной сироткой.

– Это мой сын Алексей, – с придыханием произнесла Алла Ивановна, прижавшись к руке высокого мужчины, – а это моя ученица Соня Николаева, помогла мне приятно скоротать время в пути.

– Боюсь, что мама замучила вас рассказами обо мне, – равнодушно-вежливо сказал Князев.

– Ничего страшного, я все равно спала, – ответила Соня, высматривая в толпе брата.

Хирург Князев посмотрел на нее внимательно. Лицо, шея, руки, коленки. Девушке лет тридцать с небольшим, скорее всего, нет детей, – узкий, почти детский таз. Белая светящаяся кожа, какая бывает только у ярких брюнеток. Нос, надо сказать, не крошечный, вполне себе нос... но если уменьшить, то все черты лица будут казаться мелкими, у блондинок это выглядит трогательно, а из брюнетки получается хищная лисичка... Губы, пожалуй, великоваты, плюс небольшая асимметрия, особенно заметная при артикуляции.

– Вы так смотрите, как будто у меня золотая фикса, рваное ухо и заячья губа, – улыбнулась Соня. – Хотите внести меня в список своих пациентов под именем Соня Рваное ухо?

Какое-то в ней есть противоречие... острый кокетливый язычок – злючка, и при этом мягкое личико, детские припухшие губы... Улыбается, а глаза остаются сонными, уплывают... Необычно притягательный взгляд, русалочий. Но никакой магии в этом нет, всего лишь невылеченное детское косоглазие. Забавное противоречие – мягкое ангельское личико, пухлые детские губы, сонные глаза и острый язычок.

Алексей Князев рассматривал Соню, без улыбки, немного даже неприлично рассматривал, – в конце концов, она же не на прием к нему пришла!..

Соня рассматривала Алексея Князева, без улыбки, немного даже неприлично рассматривала, – в конце концов, хирург Князев не картина...

Мужественное лицо с волевым подбородком, чуть раскосыми серыми глазами, короткая стрижка, почти ежик. Смотрит из-под длинных девчоночьих ресниц, как будто стесняется, робеет, но при этом все равно быстро раздевает. Низкий, с хрипотцой голос, гудит, как басовая струна... Может, все вместе это и есть харизма?.. Откуда у Мыши ТАКОЙ сын? Киношный герой, мачо, голливудский «настоящий мужчина» – вот он кто, красавец Князев.

...Нет, пожалуй, он не голливудский герой... Голливудский красавец всегда понимает, что он красив, а у Князева чуть рассеянное лицо человека, не понимающего своей красоты, хирург Князев из тех, кто смотрит на себя в зеркало, когда бреется, и думает – черт, ну и рожа, не спал всю ночь и еще порезался!

Наш киношный герой – вот он кто, красавец Князев. Военврач из старых советских фильмов – усталый, небритый, положительный. В том смысле, что на него можно весь мир положить, и он без возражений понесет...

Соня отвела глаза, усмехнулась про себя, – раздевать взглядом – это у него профессиональное. Нет, ну какая харизма?.. Просто достался человеку такой взгляд, да и все.

– Вы похожи на сонного плюшевого зайца, – быстро и удивленно сказал Князев.

– Я заяц, а вы, конечно, волк? – так же быстро отозвалась Соня.

– Я волк. Сейчас отвезу вас домой и съем...

Они в хорошем темпе перекидывались легкими фразами людей, автоматически приступая к флирту. Алла Ивановна ревниво помрачнела, задумалась, словно пытаясь вспомнить, как пишется сложное словарное слово. О чем они говорят, эти двое, какой заяц, какой волк?

– Соня-Сонечка! – дурашливым голосом закричал Левка, и Соня закружилась в его руках, как маленькая, шепча «Лева-Левочка» и целуя его в нос и куда попадет. Оставаясь в его руках, отстранилась, рассмотрела придирчиво.

Левка – как всегда. Тонкий, вылощенный, без педантичности элегантный, Левка умел схватить все нюансы модных тенденций, но не выглядеть при этом глупо сошедшим со страниц гламурного журнала, а искусно, с редким изяществом слепить именно самого себя, – качество тем более удивительное для человека, который десять лет жизни провел в сером мышинном костюме, а первые джинсы сшил себе сам.

Хотя... Левка всегда был настолько талантлив в создании собственного образа из любых доступных аксессуаров, что умудрялся выглядеть элегантно даже в школьной форме, – такое у него было природное изящество и чутье. Ну, а теперь у Левки конечно же были другие, отличные от прежних, возможности удовлетворить свою страсть к изысканной одежде.

– Сонечка, рыбка моя, хорек мой, гамадрил мой любезный, – нежно бормотал Левка, поставив Соню на землю и легко придерживая ее за нос длинными тонкими пальцами. Встретившись, они мгновенно переходили на птичий язык детства, начинали болтать подобную чушь, хватать друг друга за нос, пощипывать и щекотать. – Неужели твой придурок тебя отпустил? Или ты просто сбежала, зайка моя косоглазая?..

Левку всегда окружала радостная суета, какой-то слегка повышенный градус, и в этом повышенном градусе Соня не сразу поняла, что мужчины, оказывается, знакомы. Левка подчеркнуто, чуть искусственно оживился, показывая, что очень рад нечаянной встрече, а хирург Князев, Соня заметила, – даже не улыбнулся. Вылитый военврач из советского кино про войну, сам по себе, сам в себе, вне контекста.

– Ну что же, Николаева, мне было очень приятно тебя повидать... Можешь меня поцеловать на прощанье, – разрешила Алла Ивановна, – когда теперь еще встретимся...

Соня быстро поцеловала Аллу Ивановну в морщинистую щечку и пошла вперед. Решила – глупо оглядываться, оглянулась, поймала взгляд Князева. Левка крепко держал Соню за руку, и несколько шагов она сделала как ребенок, который, обернувшись, разглядывает что-то, пока взрослые тянут его за собой, и струящаяся толпа разделила их.

– Какая-то с этой Николаевой была в школе история, – задумчиво сказала Алла Ивановна сыну, усаживаясь в машину, – то ли она хотела покончить с собой из-за какого-то мальчика, то ли наоборот, из-за нее кто-то хотел покончить с собой...

– Да? – вежливо отозвался Князев.

– Все-таки она... Хотела выброситься из окна в спортзале. Спортзал на четвертом этаже, представляешь, что было бы, – меня могли посадить!.. А теперь – вот. Такая милая, остроумная, просто прелесть. А муж у нее о-очень значительный человек... Хотя она не такая уж и красавица... что-то у нее в лице странное.

– Лучше красавиц бывают только некрасавицы. Чем симметричнее, правильнее лицо, тем скучнее.

– Что нравится, то и красиво, – это бесспорно так, но есть же каноны, правила. Уж тебе-то, как профессионалу, это должно быть известно, – отчего-то раздраженно сказала Алла Ива-

новна. Она все еще была задумчива, словно пыталась что-то припомнить... – У меня в голове крутится какой-то классический литературный сюжет...

– «Поднятая целина»? – с готовностью поинтересовался Алексей. – Эта твоя ученица Соня типичный дед Шукарь. Или Филиппок, или Дед Мазай и зайцы, или «Вчерашний день, часу в шестом, зашел я на Сенную, там били женщину кнутом, крестьянку молодую»...

– Алеша, как ты можешь... – выдохнула Алла Ивановна. – Некрасов, певец народного горя...

И они надолго замолчали.

В сущности, им было не о чем говорить, – у Алексея Князева не было привычки каждую минуту быть сыном своей матери. Когда он был маленький, они дружно жили втроем – он, мать и русская литература. Без русской литературы Алеше невозможно было вырасти настоящим человеком, и без портретов бородатых писателей, повсюду висящих в их квартирке на Фонтанке, тоже никак нельзя было вырасти настоящим человеком. Над его кроватью висел Толстой, смотрел на него, насупив брови. Алексей ничего не имел против того, чтобы старик оказывал на него положительное влияние днем или во сне, а вот засыпать под его диковатым взглядом было неприятно.

В четырнадцать лет мать застала его в подворотне на Фонтанке с бутылкой пива и двумя сигаретами – одной в зубах, а другой за ухом. Посмотрела с упреком, в котором читалось – Лев Толстой не пил в подворотне пиво и не закладывал за ухо сигарету «Родопи». Эта сигарета за ухом почему-то окончательно ее добила, – она представила, как ее сын цыкает зубом и ботает по фене, а не изъясняется на прекрасном и могучем русском языке. И поступила с сыном как с безударной гласной – решительно поменяла ударение, чтобы написать правильно.

Алексей был отправлен к отцу, в Москву, – теперь пришла его очередь объяснять сыну, что такое быть настоящим человеком. Отца Алеша тоже звали Алексеем, такая у них в роду была традиция – все были Алексеи. И все они были врачи – хирурги. К тому времени как Алешу отправили на воспитание в Москву, Алексей Князев-старший уже успел написать учебник по челюстно-лицевой хирургии и демобилизоваться, но и, работая в городской больнице, все равно оставался военврачом. На Алешин вопрос, почему он срывается ночью по любому звонку, ответил просто – «я же врач», и это прозвучало как «есть такая профессия, сынок, защищать родину».

Алексей жил у отца, все реже и реже приезжая в гости в Питер, а после школы надел военную форму курсанта Военно-медицинской академии, и вся эта строгая мужская жизнь, форма, казарма, патруль, построение, увольнительные, уже окончательно сделали его человеком. Да Алла Ивановна и не сомневалась – не мог вырасти плохим мальчик, которого много ночей подряд буравил взглядом Л. Н. Толстой.

Алексей Князев-младший почти в точности повторил путь своего отца – был военным врачом, челюстно-лицевым хирургом, затем демобилизовался. Но если отец до конца жизни остался верен сугубо челюстно-лицевой хирургии, то сын из челюстно-лицевого стал пластическим хирургом. Отчасти это был шаг вперед, а отчасти нет, но в любом случае это был шаг в сторону.

Если бы Князева спросили, любит ли он свою мать, он очень удивился бы, – мать полагается любить, уважать и встречать с поезда. И, несмотря на раздражение, которое вызывала в нем ее учительская манера вещать по любому поводу, Князев был хороший сын, да и как могло быть иначе, когда за дело берутся русская литература и армия.

– Ну и кто у нас муж? – резко вильнув рулем, внезапно спросил Алексей Князев, выезжая на Садовое кольцо.

Ночь

– Фу, – сказала Соня, смотря в окно Левкиной машины.

– Что «фу»?

– Не люблю Москву.

Питерцы традиционно не любят Москву, и Соня тоже не любила. Особенно она не любила станцию метро «Площадь Революции» – за бронзовых культуристов, Охотный Ряд за суету, Красную площадь за «я поведу тебя в музей», Тверскую за излишнюю парадность, Новый Арбат за туристические лавочки, и памятник Петру Первому – за все. Ходили слухи, что изначально это был не Петр Первый, а Колумб, и столичный скульптор предлагал его другой стране, должно быть Испании. А когда другая страна Колумба не захотела, скульптор слепил голову Петра и водрузил ее на уже имеющееся тело Колумба, чтобы тело зря не пропадало, – костюм же не виден, а корабли одинаковые. И теперь ПетроКолумб возвышался над Москвой, весь в мачтах и флагах, руководил движением.

Левка повез Соню домой, но не к себе домой, а к Арише – на Чистые пруды. В Кривоколенный переулок.

– Ты же понимаешь, что ко мне нельзя, – объяснил Левка, и Соня с облегчением вздохнула – вот и хорошо, что нельзя.

– Понравился тебе Князев? – спросил Левка, поворачивая на Покровку. – Отличный мужик, и хирург классный... Все тетки от него умирают...

– Хирург, и все тетки от него умирают? Ужас какой! – хихикнула Соня.

– Сонечка-дурочка. К нему вся Москва ходит. А тебе он, можно сказать, почти родственник, через Аришу. Барби за него замуж собирается.

– Москва похожа на торт, как мы в детстве любили, из булочной. Такой пышный, жирный, с кремовыми розами... – задумчиво отозвалась Соня.

...Хирург Князев скоро женится на Барби. Мышь была права: Барби, Аришина младшая сестра, – девушка из очень хорошей семьи.

Последний раз Соня видела Барби еще ребенком. Должно быть, она выросла похожей на Арину, такая же громкоголая, ширококостная, с крупным носом-картошкой, утонувшим в мясистых щеках. У Ариши такая непоэтическая внешность, будто Аришиных предков веками секли на конюшне, свободу они получили при отмене крепостного права, а паспорта только при Хрущеве, – так можно было подумать, если не знать, что за Аришей три поколения московско-петербургских юристов, среди них прадед, работавший с Плевако, отмеченный в книге «Знаменитые русские юристы»...

Из глубины квартиры в Кривоколенном переулке доносилась музыка, и Левка мгновенно исчез, потянувшись на музыку, нырнул в глубину квартиры.

Ах, вот оно что – вечеринка!.. Ну, Ариша, погоди! Приезжаешь из Питера по срочному вызову, почти что на мешке с картошкой, мучаешься соседством с Мышью и хочешь за это всего ничего – почувствовать себя ВИП-персоной в доме. А вместо заплаканных хозяев, которые ждут, когда ты научишь их жить, – вечеринка! «Барышня, вызов „скорой помощи“ отменяется», – сказала себе Соня.

– Сонька приехала, Сонечка приехала, солнышко приехала!.. – заверещала Ариша, выбегая в прихожую.

– Здравствуй, дорогая, – встретить Соню вышел Игорь, Аришин муж. – Звонил твой грозный муж, скрежетал зубами, отсылался о Левке в грубых выражениях. Я объяснил, что я ни при чем, но он трубку повесил... – небрежно сказал Игорь. Сквозь небрежный тон проглядывало беспокойство, – хорошие отношения с теми, у кого положение и деньги, лучше, чем

плохие. Игорь тут же принялся ябедничать, горячо нашептывая Соне на ухо: – У Левки неприятности, и на работе, и дома... У него роман случился, с угрозой для семьи...

Соне не хотелось обсуждать брата с Игорем, таким гладким, лоснящимся, довольным, как наевшийся рыбы тюлень. Она пыталась углядеть в Игоре признаки того, что у Ариши происходит ТАКОЕ.

Никаких признаков ТАКОГО в Игоре не было. Кроме серебряного колечка в ухе, Игорь ничем не отличался от себя прежнего, был весел, хвастался мотоциклом «Ямаха», с мотоциклом у него началась совершенно иная жизнь, новые ощущения, Молодость, скорость... Но Игорь всегда чем-нибудь увлекался и начинал с этим чем-нибудь совершенно иную жизнь, так что на первый взгляд все было как обычно, как всегда.

– Что у вас случилось? Все смешалось в доме Облонских? Хозяин дома был в связи с гувернанткой? – тихонько спросила Соня.

– Ага, смешалось, – жизнерадостно откликнулась Ариша, – только у нас нет гувернантки... Игорь мог бы быть в связи с Сережиным репетитором по английскому... У нас все о-очень хорошо!..

Когда Ариша жила в Питере, на вопрос «как дела?» она вяло тянула – «ну та-ак, нормально...», а теперь, в Москве, отвечала непривычным для питерского уха «у меня все о-очень хорошо!». Впрочем, у Ариши действительно всегда все было очень хорошо.

...Квартира в Кривоколенном переулке, доставшаяся Арише с Игорем от каких-то московских бабушек, была по современным меркам не особенно большой, но исключительно удобной для светской жизни, – в ней были две гостиные, большая и маленькая, а в двух гостиных вмещается в два раза больше гостей, чем в одной. Квартира была старая, небрежно богатая, не демонстрировала никакого шика и вообще ничего не демонстрировала, а только устойчивый достаток и правильную жизнь, которая началась не вчера. Заляпанная краской лестница позабыта у антикварного буфета, в буфете кузнецовский фарфор вперемишку с треснутыми тарелками 80-х, а порывшись, можно даже и крышку от алюминиевой кастрюльки обнаружить, бабушкиной.

Вроде бы сплошная эклектика и бестолковость, а на самом деле – свой стиль, особенный. И запах здесь был всегда одинаковый – смесь кофе, духов и сухой пыли. Духи могли быть тривиальными Amap, кофе – демократичным Nescafe из жестяной банки, а пыль валялась по углам месяцами – все как у всех. Как у всех, да не как у всех, все же этот дом пах особенным – легкостью бытия.

Никто не смог бы быстро и прямо ответить на вопрос: а чем, собственно, занимается Игорь? Бизнесом?... Но бизнес подразумевает интерес хотя бы к чему-нибудь – индексу Доу-Джонса, биржевым новостям, расценкам на электроэнергию, стоимости квадратного метра или курсам валюты, а никто никогда не замечал, чтобы Игорь чем-то таким интересовался. Все знали, что он человек с хорошими старыми московскими и питерскими связями и что Ариша тоже не из простой семьи. Возможно, что эти связи и были его бизнесом. Говорили, что Игорь – член правления какого-то банка, член какой-то комиссии при Думе, владеет какой-то рекламной фирмой, какая-то его фирма что-то там такое без него производит, то ли фильмы, то ли рекламу, но не исключено, что и примусы, – все это звучало именно так, со словами «какой-то», «что-то», а точнее никто не знал.

Вот такой человек, веселый, успешный и, как пишут в объявлениях, без материальных проблем.

К Соне в этом доме относились особенно – любовно-фамильярно, но и с оттенком почтительности. Можно Соню пощекотать, за нос подергать: она маленькая Левкина сестричка, она же – отдельно важный гость. Потому что – муж. А Соня – представительница своего мужа, его положения и его денег. Игорь с Аришей всех радостно встречали, всех целовали, всех любили,

но ведь есть все же разница – кто перед тобой, и оба они помнили, кто у Сони муж. А уж у Ариши это было и вовсе профессиональное.

Аришина жизнь была не жизнь, а сплошной гламур, иначе – прелесть. Больше всего на свете Ариша любила романы – крутить собственные романы и устраивать чужие. И с работой у Ариши получился роман – работа не занимала душу, доставляла сладкое удовольствие и, не претендуя на то, чтобы называться любовью, позволяла чувствовать себя любимой, нужной, единственной.

Ариша вела ток-шоу на одном из кабельных каналов – неустомительно, раз в неделю. Аришино ток-шоу было рассчитано на непритязательных жительниц нестоличных городов, называлось «Сердечный разговор» и было типичным сердечным разговором – то про любовь, то про измену, а то и про бытовое пьянство...

– Конечно, можно было бы найти что-нибудь тоже интересное, устроиться на центральные каналы, но так умненькой Арише было удобнее: оплошные «не» – необременительно, нестрого, не нужно ни с кем соперничать. Дополнительным удобством была концепция гостей – концепция гостей состояла в том, что никакой концепции не было. Гости у Ариши бывали знаменитые и не очень, а то и просто никому не известные, никто, – в этом состояли удобство и некоторая домашность Аришиной деятельности. Известные люди, как правило, не гнушались лишним раз мелькнуть на экране даже в такой непрестижной передаче, но иногда можно было приглашать своих, кто хотел, и таким образом Ариша получалась вся в полезных связях, премьерах, презентациях, ласке и неге.

Все хорошо, в Аришиной семье всегда было все хорошо, проблемы решались незаметно, деньги вроде бы брались сами по себе, а если их не было, то Игорь с Аришей никогда не садились, подперев головы руками, и не говорили горестно – ах, у нас нет денег, нам не на что лук купить или в Европу поехать. И ребенок, Сережка, рос как бы между прочим. И никаких неприглядных подробностей быта у Ариши словно бы и не было – Соня никогда не видела у нее веника, швабры или, к примеру, средства очистки для унитаза. И разговоров про любое «не повезло» никогда не водилось, хотя и Арише с Игорем конечно же иногда не везло. Так они и жили, не обременяя себя собственным существованием, словно невесомо присели на краешек жизни, а не взгромоздились увесистым задом, не ерзали – как бы получше утвердиться. Должно быть, их обстоятельства – семьи, связи, невнятные способы добывания денег – такой легкости способствовали, а может быть, Ариша с Игорем и в иных выпавших им декорациях жили бы так же легко – дрова рубили, воду носили, в небо смотрели.

В Аришином салончике на Чистых прудах почти все были бывшие питерцы – такой небольшой питерский островок в московском океане. Питерцы делились на старых и новых. Старые перебрались в Москву давно, лет десять – пятнадцать назад – у кого-то были московские корни, как у Игоря с Аришей, кто-то женился в Москве, как Левка.

Левка и Игорь были питерские золотые мальчики. В то время, когда они были мальчиками, это не означало больших денег или принадлежности к богатой светской тусовке, а означало, что они бродили по одним и тем же тропам – английская школа, филфак, некоторая свобода мышления, чтения и передвижения внутри недоступного остальным замкнутого питерского мирка. В сущности, они сами себя назначили золотыми: Игорь и Левка были самые смешливые на филфаке, девочки их были самые красивые, напитки и сигареты самые заграничные, и еще у них была одна машина на двоих – Игоря, и это делало их обоих совсем уж неприступно золотыми. Но даже и это было не главное. Главным было их ощущение своей отдельности, заведомой непредназначенности к среднесоветскому тупому существованию, непрошибаемая убежденность в том, что именно их ожидает особенная яркая жизнь. И все вокруг, и девочки, и преподаватели, – ВСЕ ожидали от Игоря и Левки судьбы, карьеры или чего-то другого феерического.

В последние годы появились новые питерцы. Новые стремились в Москву неудержимо-страстно, как Ломоносов с поморских земель. В Москве министерства, и центральные каналы, и перспективы, и деньги, а в Питере что – Эрмитаж, дождь и общая вялость. Многие из тех, с кем Ариша училась в Питере, перебрались в Москву, друг за другом, как переходят дорогу детсадовцы, держась за резиночку. Резиночкой для занятия хорошей позиции в Москве служила личная преданность, кто с кем в одной песочнице вырос. Так что оказалось, будто Ариша в Москве в университете училась, а не в Питере.

Не у всех сложилась достойная Москвы карьера, но между старыми и новыми питерцами наблюдалось одно различие – старые и новые различались своей откровенностью. Все новые делали вид, что карьера сложилась, – ведь питерский человек приезжает в Москву делать карьеру, иначе зачем ему сюда? В Москве что – Мавзолей, Кремль и суeta. В Питере лучше – Эрмитаж, дождь и общая вялость.

Ну, а старые питерцы просто жили, кто как Левка, к примеру, легко признавался в своих неудачах, потому что он в Москве не делал карьеру, просто жил, а в жизни все бывает.

Соня посидела, послушала, как трое незнакомых мужчин рядом с ней взволнованно обсуждают перестановки в правительстве. Каждый из них уверял, что приближен к кому-то важному и точно знает из первых рук, что делается там, за зубцами, – в Кремле.

«В Кремле-е», – подумала Соня и пошла искать Левку. Впрочем, что его искать, – он не там, где обсуждаются перестановки в правительстве, а там, где музыка.

В большой гостиной Соня вместе с другими гостями смотрела, как Левка, длинноногий, изящный, с мягкой кошачьей пластикой, щекой к щеке танцует с разноцветной барышней, не то блондинкой, не то брюнеткой. Красиво...

Левка учился танцевать в комнатке, где жил вдвоем с Соней. Таскал перед собой в качестве партнера старого плюшевого медведя, говорил Соне – давай теперь ты. Комнатка крошечная, Соня спотыкалась о мебель, падала на диван.

– Ты еще хуже медведя, – сердился Левка и опять кружился с плюшевым медведем на полутора свободных метрах. Пам-пам-пам – поворачивал медведя к себе толстой попой, пам-пам-пам – как положено в танго, запрокидывал медведю лапу...

...Был такой тонкий, красивый мальчик, и в свои сорок такой же тонкий, красивый... Неужели все, что уже было, уже с ним случилось, – все ЭТО уже и есть ЕГО СУДЬБА?..

– Жаль Игоря... Видишь, что здесь творится? – многозначительно сказал Левка Соне, прощаясь в прихожей. – Развели декаданс.

– Э-э... ну... вечеринка, а что?..

– Я думал, ты знаешь...

Соня не успела спросить, что именно она должна знать. Как часто бывает, все надумали уходить одновременно, прихожая заполнилась восклицаниями, смехом, прощальным чмоканьем, а в обрывках разговоров уже звучал завтрашний день – договоренности, обещания увидаться, созвониться.

– Так вот, Соня, – важно произнес Левка, – Оксана сказала, все кончено. Она меня уже неделю домой не пускает.

Это так странно прозвучало здесь, у Ариши, что Соня улыбнулась в Аришином стиле – все пройдет, и легко спросила:

– Обидки, ерунда, глупости... да, Левочка?

– Что же мне, в дверь ломиться? – шептал Левка и смотрел жалобно. – Да она и не откроет!.. Перед детьми позор, перед соседями...

– У тебя очередной роман, Левочка?

– Ты не понимаешь, я влюбился, – важно сказал Левка, словно возлагая на Соню вину не только за то, что варенье закончилось, но и за то, что она не понимает, КАК ему грустно оттого, что он уже съел все варенье, все...

Левка показал глазами на стоявшую поодаль разноцветную барышню. Повернулся, хозяйским жестом приобнял за плечи.

Разноцветная барышня, похожая на встрепанную курочку, без улыбки смотрела на Соню и так самостоятельно стояла под Левкиной рукой, будто наблюдала со стороны, как он трепыхается, бедный хвастливый петушок, бедный женатый на стерве Левка.

– И что? – грубо сказала Соня, обидевшись, что Левка был при барышне, а не она при нем.

– Ты не понимаешь... – со значением повторил Левка.

Это была Левкина любимая фраза – «ты не понимаешь»...

Нет ничего хуже, чем пытаться заснуть в чужой прокуренной комнате, где мучительно неуютно от невыветрившихся чужих запахов, табака и парфюма, и от усталости и возбуждения происходит странное, то ли странные ночные мысли в полузабытьи, то ли снятся странные сны.

* * *

Во сне она сидела на первой парте в школьном платьице, белом переднике с крылышками и бантом в волосах, – отличница. Все остальные дети в классе были в лаптях, некоторые босиком. А на учительском месте сидел Толстой, такой же, как на фотографии в Ясной Поляне, – седобородый, остроглазый, в серой мешковатой рубахе.

– Можно мне спросить, Лев Николаевич? – Соня подняла руку. – А если бы Анна не встретила Вронского, она все равно прошла бы весь этот путь – любовь, поезд, но с ДРУГИМ? С каким-нибудь князем Василием? Или спокойно состарилась бы, так и не узнав, что такое страсть?

Толстой, не отвечая, неодобрительно покачал бородой. Соня замерла, не решаясь прервать молчание.

– Надолго в Москву? Зачем? По семейным делам брата? – наконец спросил Толстой. – Замужем? У мужа уши есть? У вас один ребенок, сын?

У Сони создалось впечатление, что Толстой недоволен темпами прироста населения, и, как всякая отличница, она попыталась перейти к теме, которую хорошо знала.

– Почему Каренина и Вронского зовут одинаково? Чтобы написать фразу: «Какая страшная судьба, что они оба Алексеи»? – спросила Соня.

– Правильно, – довольно кивнул Толстой, – молодец, Николаева Соня, помнишь наизусть.

– Неправда, что Анна не знала, что выйдет из этой встречи на вокзале, – робко сказала Соня. – Потому что женщина всегда ЗНАЕТ. И что она не хотела привлекать к себе Вронского, тоже вранье. Она именно что ХОТЕЛА. Она же полюбила его в ту же минуту, как увидела! Она скрывала это от себя, врушка-врушка!.. Потому что правильно писали в старинных романах: «Любовь – это как удар молнии». Когда тебя ударит молнией, тут же поймешь, кто твой человек, а кто нет, и никуда от этого не деться... О господи, как страшно!

– Страшно, – довольно подтвердил Толстой и улыбнулся Соне странной улыбкой – ласковой, горестной и слегка жалостливой. – Боишься, Николаева Соня?

– Боюсь, Лев Николаевич.

– Правильно, так и должно быть. Семья не игрушка, – сказал Толстой. – Садись, Николаева Соня, пятерка.

И Соня удовлетворенно уселась на свое место, – отличница.

Наивно, конечно, и глупо, что петербургская дама, жена важного мужа Соня Головина, в свои тридцать с лишним лет лежит в полузабытьи, и видит во сне Льва Николаевича, и думает про Анну Каренину. Как будто она какая-нибудь романтическая Мышь, свихнувшаяся на русской литературе. Наивно, глупо, но что же делать, если именно этот сон она сейчас и видит и именно об этом она сейчас и думает? Наверное, ей просто нельзя спать в прокуренной комнате. Хотя... пожалуй, Соня не так уж и виновата – у нее в этом смысле очень плохая наследственность.

О влиянии насупленных бровей на хрупкую детскую психику

Нежное, уютное имя «Сонечка» придумал папа. Мать хотела назвать ее Светкой, и это было бы совсем другое дело. Будь она Светкой, все было бы иначе – гоняла бы по двору, висела бы на деревьях, была бы главной девчонкой во дворе, а затем выросла в родину-мать. А Сонечкой – стояла в сторонке, смотрела... И была чистой воды индивидуалисткой, далекой от общественных страстей двора и страны и занятой исключительно своей частной жизнью. Так что Соня была папе благодарна, что она Сонечка, а не Светка.

Сонин папа назвал детей своих Львом и Софьей не за красоту имен, а потому что он был – толстовец. Не в том, конечно, смысле, что ходил за плугом босой или придерживался идеи непротivления злу насилием, а просто его так называла жена – за страстную, особенную любовь к Толстому. Сонечка выросла под знаменитой фотографией Льва Николаевича в Ясной Поляне – седой бородатый старик стоял, опершись на высокую спинку стула. Остроглазый, с насупленными бровями. Смотрел на нее со стены, когда она засыпала. Соня тоже на него смотрела, как-то он ее волновал, нравился ей, как нравится страшное, – и страшно, и хочется смотреть. Борода сквозная, сухая, неровная, брови...

Нина Андреевна была очень хорошенькая, кудрявая, с пышной фигуркой. Неглупая, живая, образованная – старший преподаватель кафедры научного коммунизма Политехнического института. Была не хуже людей, все культурные галочки ставила, выписывала «Новый мир» и «Юность», в театры ходила, по Золотому кольцу ездила и Толстого читала – ПОЧЕМУ они не ладили?

Ну, возможно, его увлечение могло казаться ей странным или даже вызывать определенное раздражение. Вместо того чтобы, защитив кандидатскую, тут же приняться за докторскую или, на худой конец, вечерами играть с Левкой в футбол, а с Соней в тихие настольные игры, муж занимался черт знает чем. Открывал картонную обувную коробку, в коробке лежали папки с завязками, а в папках листочки. Он перебирал листочки, что-то записывал, сравнивал. Когда Толстой писал «Анну Каренину», или «Крейцерову сонату», или «Смерть Ивана Ильича» – что в это время происходило в его жизни, что было у него на душе? Он читал понемногу, затем изучал «Дневники», делал пометки на полях, искал соответствия. Вот его что интересовало – как соотносятся гений и личная жизнь.

А почему нет?... Всех разное интересует. В оправдание своего увлечения Сонин папа робко приводил жене цитату из Герцена: «Частная жизнь сочинителя есть драгоценный комментарий к его сочинениям». Но Нина Андреевна все равно сердилась, хотя к Герцену относилась с уважением за то, что он разбудил русскую революцию.

Всякий раз, когда муж брал в руки книгу своего кумира, она говорила – лучше бы ты докторскую писал, рос по карьерной лестнице. «Как это расти по лестнице?» – думала Соня и представляла, как ее папа поднимается с этажа на этаж, увеличиваясь в росте и весе. А когда папа станет доктором наук, он будет толстый, как Робин Бобин Барабек скушал сорок человек.

В хорошем настроении Нина Андреевна реагировала на синий том Толстого в руках Сониного папы иначе – она улыбалась и пела мужу песенку:

Жил-был великий писатель,
Лев Николаич Толстой,
Не кушал ни рыбы, ни мяса,
ходил натурально босой...

Сонин папа страдальчески кривился и, казалось, весь уходил в синий том, а она теснила его и напевала:

Жена его Софья Андревна
обратно любила поесть,
Босая она не ходила,
спасая фамильную честь...

Этой невинной песенкой и сопровождался их брак.

Наверное, Сонин папа все-таки был немного толстовцем в настоящем смысле этого слова – он был непротивленец злу жены насилием, во всяком случае, он был совершенно перед ней беззащитен, так и мучился под эту песенку много лет, ни разу не сказав жене «дорогая, не пой больше» или «заткнись, пожалуйста». А может быть, ему было приятно мучиться с Ниной Андреевной, как Толстой в конце жизни мучился со своей женой. Может, он считал, что Нина Андреевна и Софья Андреевна – одно и то же. Нина Андреевна требовала от него диссертации, а не занятия ерундой. И Софья Андреевна требовала от Льва Николаевича не заниматься ерундой.

Странно, что этот вялый непротивленец, в конце концов, умудрился сделать резкий жест и освободиться от Сониной мамы, но однажды, весной, он просто исчез. И от Сони с Левкой тоже исчез, на всякий случай. Исчез и растворился в большом городе. Наверное, у Сониного папы не было другого выхода... другого выхода на свободу. Нина Андреевна была удивлена и оскорблена и ни за что не оставила бы ему возможности спокойно быть отцом Соне и Леве, так что лучше всего ему было просто утечь из их жизни с весенними ручьями.

Но Соня очень плакала, все-таки она была совсем еще небольшая. Спросила Нину Андреевну – почему?..

– Вы с Левой виноваты. Вы должны были лучше себя вести. Я надеюсь, что для вас обоих это будет хорошим уроком, – ответила Нина Андреевна, желая извлечь из ухода мужа хоть какую-то педагогическую пользу.

Соня думала-думала и поняла: если бы она, Соня, была получше, если бы она была не просто хорошей девочкой, а очень-очень хорошей девочкой, – папа ни за что не бросил бы ее. Ведь очень-очень хорошее не оставляют, как старые ненужные вещи.

Разъяренная Нина Андреевна пожелала уничтожить в своем доме все следы мужа-предателя. Если бы она могла, она уничтожила бы и Соню с Левой, но она не могла, поэтому – только вещи. У Левы на память от отца ничего не осталось, да ему было и не нужно, а Соне было нужно, поэтому у нее осталось все, что удалось скрыть от материнской ярости.

Вслед за старыми тренировочными костюмами и прочей чепухой полетела в помойку и фотография Толстого в Ясной Поляне. Соня фотографию подобрала, разгладила, спрятала под матрац. А других фотографий от Сониного папы в доме не осталось – только вот этот скомканный Лев Николаевич в мешковатой серой рубахе.

Соня втайне сохранила папину коробку, с этой коробкой она и вышла замуж – незаметно вынесла ее из дома. В коробке два тома Толстого, «Дневники» с папиными пометками на полях.

Лева отца не простил, хотя для него все неплохо обошлось и без отца-предателя, – мама с Соней очень сильно любили его вдвоем. Соня тоже не простила отца, потому что и не сердилась. Она часто думала: как же он страшно ненавидел Нину Андреевну, что оставил у них дома все, что ему было хоть немного дорого, – и Толстого, и Соню... А может быть, в его новой жизни у него была новая коробка с бумагами и новая Соня?.. Новая маленькая Соня, получше прежней.

Как-то, когда Соне было уже лет двенадцать, она рылась в маминой шкатулке – примеряла клипсы и брошечки – и посреди блестящей чепуховинки нашла обрывок папиного письма к Нине Андреевне. Обрывок начинался словами «Моя сладкая зайка».

– Зайка, моя сладкая зайка, – примериваясь к чужой нежности, прошептала Соня. Меньше всего на свете Нина Андреевна была похожа на сладкую зайку. И Соня окончательно перестала что-либо понимать про своих маму-папу и в целом про жизнь и про любовь.

Кое-что оботце они знали, вернее, узнали уже взрослыми. Отец давно защитил докторскую, давно уже работал за границей – он был неплохой биолог, не первой обоймы, но все же. Его пригласили сначала в университет в Гейдельберге, затем в Мангейм, затем в Америку, и там, в бесчисленном множестве провинциальных университетов, он и затерялся, теперь уже, очевидно, навсегда. Левка сообщил об этом Соне с таким равнодушием, что ей непонятно, отчего было так больно – от того ли, что Америка-то, уж конечно, несравненно лучше, чем она, Соня, или от Левкиного равнодушия. Ведь когда-то ее папа... ну, женился на маме. Была же у них первая брачная ночь и медовый месяц, была же эта записка-зайка, любили же они друг друга, черт возьми!..

Ах да, тогда же, через Левку, отец передал Соне привет. Передал привет и рассказ о том, как однажды в дом номер 38 А по Таврической улице, в котором она проживает с мужем, приходил Л. Н. Толстой. Чтобы Соня гордилась.

Так что в наследство от папы Соне достались потертая обувная коробка, склонность к рассуждениям про Анну Каренину и гнетущий страх предательства, любого.

День первый

Такси остановилось около девятиэтажного дома в Бескудниково. От Чистых прудов до Бескудниково на такси пятьсот рублей и тридцать лет. Пятьсот рублей совсем недорого, если считать, что это не такси, а машина времени. Таксист называл Бескудниково Паскудниковым, Соне было обидно.

Машина времени привезла Соню в пейзаж 70-х, на типичную Третью улицу Строителей. Улица отходила от железной дороги. За три десятилетия когда-то приличная Третья улица Строителей сильно обветшала, а главное, морально поизносилась. Панельные дома 70-х, совсем недолго пожив модными красавцами, оказались еще более депрессивными, чем хрущевки, те хотя бы были веселенькие, как кустики-уродцы на болоте, и пахли трогательным теплом новоселов, переселенцев из московских коммуналок, а от этих, с почерневшими скелетами балконов, веет тоской, муторной и безнадежной, тупой каждодневной неудачливостью. Метро нет, до ближайшей станции автобус идет полчаса.

Вот они, два мира – уютная московская жизнь в переулочке на Чистых прудах и девятиэтажки, краснокирпичная поликлиника через пустырь, торговый центр-стекляшка, не город, не деревня, не Москва, не провинция, а мой адрес Советский Союз, – рабочая окраина с московской пропиской. Тут, в девятиэтажке, и живет Левка, бывший золотой мальчик, а ныне Оксанин муж, отец ее детей, любовник разноцветной барышни, похожей на встрепанную курочку.

Когда Левка с Оксаной приехали жить-поживать и добра наживать в эту девятиэтажку длиной с километр, в пятый из двадцати подъездов, Левка был уверен, что этот пустырь, и торговый центр-стекляшка, и краснокирпичная поликлиника ему на пять минут – до того, как пойдет совсем иная жизнь и по-настоящему свершится судьба. Пока, после жизни с Оксаниными родителями, и эта рабочая окраина, свое жилье в Москве, было хорошее жилье, просто отличное! Оксанины родители за стенкой подсчитывали, сколько раз скрипнет диван в комнате дочери, и если больше десяти, то барабанили в стенку – мол, хватит уже!.. После Оксаниных родителей все было хорошо, просто отлично.

Ну и конечно же Левка не мог знать, что в краснокирпичной поликлинике встанут на полку две пухлые карточки его детей – Николаевой Танечки и Николаева Олега.

За пятнадцать лет, прошедшие с того момента, когда Левка на руках внес Оксану в их двухкомнатную квартиру, комнаты смежные, 16,5 и 11 метров, плюс балкон, санузел совмещенный, – НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ. Даже пустырь за эти годы не застроили – заколдованное место.

Ничего не изменилось с тех лет, ни-че-го. Разве что мелочи – появилась стекляшка «24 часа» с иностранными напитками в витрине, сменилась вывеска на торговом центре – «Ресторан Голливуд» и открылся стриптиз-бар «Бублики» на первом этаже Левкиного дома. Вывеска «Стриптиз-бар „Бублики“» – в контексте данного пейзажа это было не смешно, а, напротив, логично. Днем кафетерий «Бублики» или молочная кухня, а вечером стриптиз-бар.

К подъезду во дворе вела тропинка между гаражами-ракушками, посредине тропинки глубокая канава с торчащими наружу трубами – выкопали по какой-то хозяйственной нужде, а закопать забыли. На канаву сверху положены доски. Доски скользкие, качаются, каблук застрял в щели, Соня неуклюже замахала руками, чуть не свалилась в канаву.

Если каждый день пробираться между этими ракушками, чувствуешь ли это запустение и тоску или просто идешь домой? Левка, золотой мальчик, наверное, тосковал, а Оксана нет, просто шла домой между гаражами-ракушками, аккуратно поднимая ноги, пыталась не свалиться в канаву. А как соблюдать женское достоинство и всяческую красоту, если каждый день

на твоём пути эти грязные скользкие доски, а глина с туфель не оттирается бумажной салфеткой?.. На туфли нужно надевать синие бахилы, как в больнице, вот что.

В лифте Соня мысленно проверила подарки – Оксане духи Kenzo, Танечке духи Bulgari, Олежке железную дорогу с такими хорошенькими вагончиками, что хотелось немедленно начать их катать. Духи Соне выдала Ариша, а новенькую железную дорогу принесла соседка, – с Аришей всегда все решалось само собой. А орхидею Соня по дороге купила. И еще несколько раз останавливала таксиста, нервно покупала для Оксаны и Танечки косметику, конфеты, белье какое-то – ей все казалось мало.

Оксана встретила ее у входа в тамбур, отгораживающий три квартиры на площадке.

– Соседи, – кивнула Оксана на склад чужого добра, пробираясь между полками и коробками.

В тамбуре хранилось все, что соседи нажили за последнюю тысячу лет, – тапки, ботинки, утюги, лыжные палки, все это приятно выглядело, еще приятнее пахло, но, главное, совершенно не сочеталось с присутствием рядом Оксаны.

Первый взгляд на Оксану, как всегда, был шоком, у Сони даже дыхание на секунду перехватило. Оксана была – грандиозная. Все существующие для описания женской качественно-сти выражения, все восторженные слова были про Оксану. Воплощение физической любви, чистый Рубенс – не в смысле пышности тела, а просто какая-то у нее была несовременно роскошная, откровенная, здоровая красота.

Нет, пожалуй, все-таки не Рубенс, а Русская Красавица, вот она кто: высокая, почти с Левку ростом, с длинными сильными ногами, ни грамма жира, но и никакой модной комариной хрупкости или «спортивности», а только настоящая, сильная женственность. Все, чему издавна положено быть круглым, упругим, высоким, было у Оксаны круглым, упругим, высоким. И лицо в комплекте, как и положено русской красавице, – распахнутые серые глаза, румянец, густые и длинные светлые волосы.

И подумать только – вся эта НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ НЕВЕРОЯТНАЯ КРАСОТА годами сидела здесь, в двухкомнатной квартире в Бескудниково. Шествовала с сумками по грязи, возносила в скрипучем лифте. Вдыхала чужие затхлые запахи, безропотно склонялась к земле оттереть глину с поношенных туфель – и ничего, нормально.

Оксана с Левкой были такой красивой парой, что люди им вслед растроганно улыбались – тонкий, изящный темноволосый испанский гранд и грандиозная русская красавица. И дети у них красивые. Пятнадцатилетняя Танечка крупная, светлая, мамина дочка. Семилетний Олежка хрупкий, тонкое подвижное личико, папин сыночек. Танечка и Олежка обрадовались Соне, еще больше обрадовались подаркам, засуетились, зашуршали оберточной бумагой.

– Спасибо, – холодно сказала Оксана, не взглянув на пакеты и пакетики, – Танечка, поставь цветок в вазу на кухне.

Вытащила из ящика тапки, поднесла к лицу, проверяя свежесть, прежде чем дать Соне. Соня вздрогнула – в этом вся Оксана, какая-то она бесстыдно физиологичная, фу!..

– Танечка, доченька, у тебя еще биология... – мягко сказала Оксана. – Олежка, а ты... тебе уже скоро спать ложиться...

Ей хотелось и Олежку отослать если не спать, то хотя бы к урокам, но уроки были давно сделаны, и Оксана неохотно выдала ему новую железную дорогу.

Уселись вдвоем на кухне, Оксана налила чай, замолчали. Соня тупо рассматривала чашки с золотыми петухами, сахарницу с отколотой ручкой, аккуратные Оксанины кастрюльки на плите, сохнущую на батарее тряпку и думала, что бы такое сделать, чтобы Оксана перестала цедить слова и строить ей козью морду? Сплясать, заорать, заплакать? Жалостно шмыгать носом и твердить как попугай «прости моего дурачка, прости, прости»? Соня спросила про Танечкины успехи в бальных танцах, и Оксана впервые оживилась, подробно рассказала про

общее восхищение Танечкиной красотой, про тренера, про интриги. Затем так же подробно и страстно про Олежку несправедливую тройку за диктант и неправильную отметку по пению.

– Я ходила в школу разбираться! – тоном боевого командира сказала Оксана. – Олежка поет как минимум на четверку!..

– Разбираться? К учительнице по пению? – удивилась Соня и пожалела учительницу: поет себе, бедная, и не знает, что Оксана способна сделать с обидчиками своих детей, – вцепиться и рвать, пока не разорвет на мелкие части.

Рядом с тонким нервным Левкой Оксана своим массивным спокойствием напоминала бегемота в зоопарке. Страсть разгоралась в ней, только когда что-то требовалось ее детям. Однажды, давным-давно, они с Соней повели детей на елку во Дворец пионеров. Детям выдали подарки – кому синего медведя, кому красного. Танечке и Антошке достались синие. Возмущенная Оксана рысью понеслась к директору Дворца – требовать, чтобы синего медведя поменяли на красного, потому что Танечка хотела красного. Оксана была убеждена, что красный медведь для Танечки стоил любого скандала, – вот такая она была зверская мать.

Впрочем, и Оксана, и Левка, оба были РОДИТЕЛИ. Оксана хорошая зверская мать, Левка хороший сумасшедший отец. Пеленки, врачи, отметки – Оксана иступленно вцеплялась в каждую подробность детской жизни, Левка внимательно слушал, вникал, разбирался, подвозил, забирал, встречал... Танечку три раза в неделю на балльные танцы через весь город, Олежку на фигурное катание...

Лучше бы ему любить своих детей как все отцы, вприглядку, – на ночь приласкивать, целовать, прижимать и отпускать до следующего вечернего целования. Так думала Соня, потихоньку, про себя. Это Оксана его заставляла ТАК любить, так участвовать, словно они вчетвером – маленький десант, высадившийся во враждебном мире, и стоят, лязгая зубами, в глухой обороне против ВСЕГО.

Посмотрели телевизор, еще раз попили чаю, Оксана сверила с детьми план на завтра – тренировка, проверка уроков, обед, просмотр сериала.

– А мы рано спать ложимся... – зевнула она, положив ногу на ногу.

Левка утверждал, что при взгляде на Оксанины коленки мужики ойкают и резко тянут вниз пиджаки, хотя сам он как человек интеллигентный полюбил Оксану не за коленки, а за ее прекрасную душу. Неправда, вранье – он полюбил Оксану за коленки! Что же еще могло заставить Левку примириться с Оксаниной семьей, играть с ними вечерами в карты, пить пиво, если не ее безоговорочная как дважды два красота?..

– Тебе от нас ехать далеко, – наметнула Оксана и, не скрывая недоброжелательности, спросила: – Ты же у Игоря остановилась?

Левка с Игорем из-за Оксаны впервые в жизни поссорились.

– Зачем жениться, дарагой, неужели она тебе так не дает? – кривляясь, спрашивал Игорь.

– Вы с Соней нормальная средняя советская интеллигенция, а у Оксаны в генах соединились пролетарии всех стран... – говорила Ариша. У нее была теория, что жениться надо в своем кругу, а то не успеешь оглянуться, как тебя уже без ложки едят.

КАК Левка дрожал от обиды, доказывал, что Оксана роскошная...

– Конечно, роскошная, кто бы спорил, роскошная самка... – сказал Игорь, – от нее животные флюиды исходят.

– Это в тебе говорят первобытные чувства – такая самка и не твоя, – гордясь, возразил Левка.

Оксана и всегда-то была недружественная, торчала в компании как большой палец. А с тех пор, как Танечка и Олежка родились, особенно стала равнодушной и даже недоброжелательной, – а за что ей любить других людей, они же не ее дети. А Игоря с Аришей за что любить

или даже просто терпеть? Впрочем, Игорь с Аришей ее тоже не любили, – когда вспоминали о ее существовании.

Оксана настойчиво повторила:

– Мы рано спать ложимся.

– Да? А я не уйду, – ответила Соня и смахнула локтем сахарницу.

Соня покосилась на осколки сахарницы, и вдруг ей стало совсем легко. Ничего она здесь не склеит и не испортит, Левка уже сам себе все испортил.

– Оксана, ты такая напряженная, как будто это не я, а представитель вражеской стороны. Ты Левку выгнала, но меня-то тебе не за что выгонять. Дай мне лучше еще чаю.

Оксана пожала плечами, но чай налила, и что-то в ее лице открылось навстречу Соне. У Оксаны нет подруг, подумала Соня, она же сидела здесь неделю как зверь в клетке, и поговорить ей хотелось, но не с кем...

– Ты знаешь, что твой брат завел себе шлюху?... – деревянным голосом сказала Оксана.

– Почему шлюху? – глупо спросила Соня. «Шлюха» – такое странное, несовременное слово... Наверное, в Оксане проснулись пещерные инстинкты...

На кухню подтянулись Танечка с Олежкой, встали около матери, как два солдатики в карауле;

– Как он мог с какой-то шлюхой, ты только посмотри, какие у него дети, – повела рукой Оксана.

– Папа нас на шлюху променял, – важно вступила Танечка. Ей льстило быть с мамой в одной взрослой команде.

– Папа нас не вырастил, а сам нашел себе шлюху, – подтвердил Олежка.

– Ты что, все с детьми обсуждаешь? – возмутилась Соня. Сейчас Оксана выметет ее поганой метлой из дома, ну и пусть! Какая же она пошлая, глупая, гадкая! Больше всего Соне хотелось сильно шлепнуть Оксану... рукой, или можно, к примеру, чайником, или сахарницей. Ах да, сахарницу она разбила...

Оксана упрямо закусил губу:

– Дети должны знать, что их отец делает.

– Ох, нет! Ты... ты... как ты можешь, они же и Левкины дети тоже!

На эти слова скривился и всхлипнул Олежка, и, ненавидя себя, а заодно и Оксану с Левкой, Соня забормотала:

– Оксаночка, но я же на твоей стороне, честное слово! Я же тоже не хочу, чтобы мой брат... со шлюхой... Ты сама подумай – он от тебя не уходит, значит, хочет быть с тобой, с детьми, не променял тебя на... на шлюху. Он тебя любит, с кем не бывает...

– Нет, – вдруг холодно сказала Оксана, – нет. Не прощу. Ты только подумай – я нашла у него в кармане фотографию, на которой он, отец моих детей, с этой шлюхой...

– Ой! – сказала Соня, заметив вытянувшуюся от любопытства мордочку Танечки и локтем сдвигая со стола чашку. – Прости, опять разбила!.. А давай... еще чаю выпьем, а?..

Оксана встала у окна: белая, большая, красивая – как холодильник.

– Вот скажи, ты бы простила? – бесстрастно спросила Оксана. – **ТЫ ПРОСТИЛА БЫ СВОЕГО МУЖА?** Если бы увидела такое?

Соне вдруг стало противно – в конце концов, Левка в сорок лет мог бы и не рассовывать по карманам свои интимные фотографии. Она представила, как она сама вытаскивает из кармана смятую фотографию, расправляет, смотрит и не верит своим глазам – **ЧТО ЭТО?** – и опять смотрит, и вдруг узнаёт своего мужа...

– Ох, нет. Я бы не простила, – Соня в ужасе потрясла головой и твердо добавила: – Ни за что не простила бы. **НИ ЗА ЧТО.** Ты тоже не прощай.

Левка уже два часа стоял внизу, стоял, грея под курткой букетик в гофрированной желтой бумаге, и смотрел на свои окна. Он ужасно замерз, но не хотел садиться в машину, – ему казалось, что если он будет ждать здесь, под окном, и мерзнуть, то Оксана его простит. Представлял, что там происходит. Как Соня вошла, как Оксана бросилась затирать грязные следы мокрой тряпкой...

– Ты целый день на работе, – говорила Оксана, – а мне с детьми погулять надо, накормить их надо, пол протереть мокрой тряпкой надо...

Эта ее тряпка...

– Оксана, пойдем в гости?.. Оксана, пойдем спать?.. Оксана, Оксана...

– Не могу, мне еще пол протереть мокрой тряпкой...

Оксана – героическая женщина, ей ничего не хотелось для себя, только для детей. Танечка и Олежка прежде всего ее дети, а уже потом его. Оксана – генерал: доложи, что сделал по вверенной тебе семье. И он, ефрейтор, отчитывается.

Нет, все-таки Оксана – героическая женщина, растит двоих детей. Но... сколько их, героических с двумя детьми, в этом районе, в этом доме, бегают через пустырь... Так почему именно Оксана?..

Она все делала очень значительно – стирала, кормила детей, протирала пол этой своей тряпкой. И любая мелочь, любой детский анализ мочи превращался для нее в важное событие – не то чтобы ребенок просто пописал в баночку, а он просто отнес через пустырь и поставил баночку на покрытый рыжей клеенкой стол, а событие дня...

У нее оказалось множество простых, определяющих распорядок жизни правил: Новый год – семейный праздник, на собрание в школу должен ходить отец, в субботу – рынок, уборка, обед как кульминация дня, вечером кино по телевизору. Это не была борьба или война, в войне снуют маленькие победы от одного к другому, здесь же была не война, а мирное наступление Оксаны на его жизнь... РАДИ ДЕТЕЙ. Единственное его право – уходить раз в неделю развлекаться одному, и то лишь потому, что Оксане ничего, кроме ее мирка, не нужно... Она не понимала, зачем гости, зачем ходить к Игорю, тратить деньги на цветы, коньяк? Ну и он ходил один, и был там один, – не считая девушек, хороших и разных.

И вот так глупо, небрежно забыть фотографию в кармане... пошло, как в дурном сериале...

Левка курил последнюю сигарету в пачке. Он имел право на девушек, хороших и разных, давно уже имел! Их сексуальная жизнь давно уже... Они давно уже спали в разных комнатах, Оксана с Танечкой, он с Олежкой. Квартира двухкомнатная, дети разнополые...

Дети разнополые, а они с Оксаной однополые. Эта озабоченная женщина-генерал не слишком часто хотела, чтобы с ней спал младший командный состав. Даже пока дети не родились, Оксана любила его за мелкие хозяйственные провинности на диванчик отложить, а теперь... если отнять дни, когда Оксана была нездорова и дети болели, то оставался секс в месяц раза два. Тихий такой секс, скромный.

А теперь у него не просто девушка, одна из хороших и разных... Он полюбил ее. Именно так – полюбил. Только зрелый человек в состоянии испытать не просто томление тела, а любовь, ту самую, из-за которой рушатся судьбы. Вот он все и разрушит.

...Но ему уже сорок – поздно... Но ему еще только сорок, так неужели это навсегда – рынок, уборка, родительское собрание, кино по субботам?..

Оксана прислонилась к входной двери с видом каменной бабы, потопывала ногой, ждала, когда гостья уйдет. Соня прижимала к себе Олежку, гладила по голове, размышляла – неизвестно, захочет ли теперь Оксана считать ее Олежкиной родственницей.

– Левка внизу стоит. Он думал, что мы с тобой, как большие девочки, все сами решим и ты его простишь... – грустно улыбнулась Соня и зачем-то добавила: – Знаешь, Оксана, когда

папа от нас ушел, я никак не могла понять, что я сделала плохого, что он не стал с нами жить. Я думала – сейчас я его встречу и скажу ему, что я больше не буду, и тогда он вернется. Только я не знала, где его искать. Я каждый день ездила по одной остановке на разных трамваях, чтобы... чтобы его встретить... А потом все прошло, совсем прошло, совсем... Это я говорю, чтобы... Это я не знаю, зачем говорю... Это я говорю, чтобы Олежка знал. Что все пройдет... потом...

Соня сильно зажмурилась и сжала губы, чтобы не заплакать, и все равно заплакала. Плакала и плакала, прижимая к себе Олежку, и не могла остановиться, и вместе с ней, тоненько подвывая, заплакал Олежка:

– Я не хочу... не хочу, не хочу... ездить на трамвае за своим папой...

Оксана выдернула Олежку из Сониных рук, вытолкнула Соню за дверь и коротко сказала вслед:

– Пусть поднимется. Посмотрим.

– Мама, прости его, – хором сказали Танечка и Олежка. В Оксаниных глазах мелькнуло удовлетворение, словно она хотела это услышать и ждала, пока Олежка заплачет и они с Танечкой попросят ее, и тогда она сможет достойно уступить – РАДИ ДЕТЕЙ.

Соня быстро побежала вниз по лестнице, чувствуя себя обманщицей, мошенницей, лисой Алисой, улепетывающей от обманутого Буратино на Поле чудес... Ей было так стыдно и гадко, словно она специально заплакала, словно она расчетливо манипулировала несчастной Оксаной, а сама тайком оправдывала Левку и считала Оксанины страдания страданиями второго сорта. Бедная Оксана, жизнь к ней несправедлива – она все делает правильно, а ее не жалко. Жалеют других. Бедный наш Левка, Левочка...

...Подъезд темный, грязный, разрисованные стены, обломанные поручни, затхлый запах, лифт как-то страшно расположен – за углом. Нет, ну если без эмоций, – и ничего, живут люди, и счастливы, потому что не в подъездах счастье.

Соня представила, как Левочка, ее блестящий братик, после душной ссоры с Оксаной выбегает и стоит тут, у подъезда, в тапочках, смотрит на пустырь, курит под упавшей беседкой, а потом возвращается и ложится на продавленный диван лицом к стенке... Бедный наш Левка, Левочка...

Разве Оксана не знает, что человек, раз изменивший, будет изменять всегда? Делает вид, что мирится с его изменами ради детей, а на самом деле просто хочет быть замужем. Бедный наш Левка, Левочка...

– Соня? Ну что? – шагнул из темноты Левка.

– Скажи мне, гадкий старикашка, зачем ты порнушку в дом приносишь? Фотографии голых любовниц зачем?!

– Ты с ума сошла, какая порнушка?! Мы просто целуемся у Игоря на кухне... а она в расстегнутой кофте, потому что жарко.

– О господи... – растерянно прошептала Соня, – нужно было не давать тебе в детстве варенья..

Левка усадил Соню в машину и наклонился поцеловать.

– Ты не понимаешь... У меня любовь, Сонечка. Имею я право?..

– Не имеешь, – твердо ответила Соня, – иди домой, пока она не передумала...

– Точно не имею?

– Точно.

– Бегу.

...Бедный Левка, Левочка... Левку все любили, Левку нельзя было не любить, такой он был золотой мальчик. И начинал он как золотой мальчик – сразу после филфака работал за границей, невиданная тогда удача, обещающая чудную карьеру, не карьеру, а загляденье. Вернулся

домой весь в джинсовом, как ковбой Мальборо, и в начале перестройки сразу же удачно попал в западную фирму, затем в другую, – в только что приходящих на российский рынок западных фирмах оценили Левкину внешность и Левкин почти что западный лоск. А потом все пошло на спад – какие-то другие нужны были зубы и когти, не такие, как имелись у Левки, зубки и ноготочки. И закончилось почти стыдной должностью в неубедительной западной фирме, вместе с которой Левка вечно находился под угрозой слияния, поглощения, банкротства. В общем, был золотой мальчик, а стал – вид менеджер, подвид менеджер, ареал обитания офис, зарплата недостаточная для пропитания, опасность постоянная – не сольют, так поглотят.

Сонин муж легко мог бы помочь Сониному брату, и с квартирой мог бы помочь, и с работой. Если бы захотел, конечно.

Головин называл Левку «этот презерватив», только грубее. Левка называл Сониного мужа «этот придурок». И так глупо, по-детски это звучало, потому что меньше всего Головин походил на придурка. Тем более, кто Головин, а кто Левка... Хотя придурком можно кого хочешь назвать, такое это удобное слово, – да пусть он кто угодно, хоть президент, но по мне он придурок, такое мое субъективное мнение, и все тут.

Головин говорил, что он никогда не будет помогать «этому презервативу». Левка говорил, что он никогда не будет иметь дела с «этим придурком». И все из-за денег.

Когда-то давно Сонин муж и Сонин брат, не распознав еще, что один из них «презерватив», а другой «придурок», почти приятельствовали и даже по-родственному начали какой-то совместный бизнес. Для Головина это был не единственный и не главный бизнес, для Левки это был бизнес единственный и главный, но такой скучный – товар, таможня, склад, счета... Левка в суматохе дел про бизнес позабыл, и товар, таможенные декларации, складские помещения и счета, порученные ему Головиным, так и не встретились между собой во времени и в пространстве. В общем, бизнес не вышел, деньги пропали.

Дальше какая-то несуразность, загадка. Головин много раз терял деньги, но ни с кем не расставался врагами, – всегда прощал, считая, что даже с точки зрения бизнеса разумнее сохранить хорошие отношения. Левка тоже много раз терял деньги и тоже ни с кем не расставался врагами, – его всегда прощали. Здесь же, оказалось, оба только и ждали повода для хорошей ссоры навсегда, и что было истинной причиной такой их дрожащей ненависти друг к другу, таких коммунальных страстей, неизвестно...

Может быть, Головин ревновал Соню к брату, которому была открыта та часть ее души, куда ему никогда не было доступа?.. Но зачем ему какие-то непонятные части Сониной души? Тогда так – Левка подсознательно испытывал к маленькой сестричке Сонечке преступную страсть и ревновал ее к мужу. Но он ничего подобного не испытывал.

В любом случае, причиной были не деньги. Скорее всего, причина была вот такая: один из них был «презерватив», а другой «придурок».

Лифт, как обычно, застрял на третьем этаже, и Левка, задышавшись, бежал на восьмой этаж, восемь раз пообещав себе бросить курить. И теперь он стоял у своей двери с затертым номером 137, между соседскими ящиками с картошкой и старой обувью, стоял и медлил – хотел прежде отдышаться и... и решить.

Он был готов ко всему – и просить прощения, и дать отпор, как в детстве, когда обнаруживалось, что он один съел все варенье. Но сейчас, вдыхая затхлые запахи чужого неопрятного быта, Левка вдруг поклялся сам себе, чуть ли не вслух, торжественно, – все прекратить, навсегда прекратить, никогда больше не видеть ее, свою разноцветную девушку, похожую на встрепанную курочку. И это было – облегчение и даже счастье. Почему? Да потому, что ему сорок и у него семья. Потому что любой брак предполагает столько же хорошего, сколько и плохого. Например, есть душевная близость, но зато проблемы в сексе. Или наоборот, потрясающий секс и крепкое хозяйство, но нет общих друзей и кто-то один жадина и все время

ворчит. Или визжит. Или нет ничего, ни душевной близости, ни общих друзей, ни секса, зато есть Олежка, Танечка.

Как облегчает личную жизнь мобильный телефон – можно осуществить свое решение прямо здесь, прямо сейчас. Левка отошел от двери и присел на стоящие в углу сломанные Олежкины санки. Санки давно уже не были нужны, но Оксана не разрешала ничего выбрасывать.

– Где я? Я дома... Ну, хочешь, считай, что я трус, подлец, предатель, – тихо сказал Левка. – Нет, это не значит, что у нас с тобой все. Завтра увидимся? Да, где обычно. Целую тебя, солнышко. Я тебя люблю.

Он вдруг почувствовал страшную усталость – сорок лет не так уж мало для героя-любownika. Если быть точным, сорок два. Нажать на звонок или открыть ключом? Он с отвращением посмотрел на свой букетик, дешевый и уродливый, расправил зеленые шарики, похожие на капустные кочаны, вытянул из середины букета игривую, закрученную спиралью травинку и нажал на кнопку звонка. Больше никогда. Никого и никогда, не считая просто девушек, хороших и разных.

– Прости меня, я тебя люблю, – сказал Левка в дверях и протянул Оксане свой помятый садово-огородный букетик.

Оксана пожала плечами, молча посторонилась, пропуская бросившегося к нему Олежку, и ушла в глубь квартиры.

День второй

Проснуться воскресным утром в гостях у Ариши было совсем не то, что проснуться дома. Сквозь дрему Соня слышала, как Ариша разговаривала по телефону, – обсуждала чье-то ужасное платье, распухший от насморка нос и восточные танцы в бассейне... наверное, про восточные танцы в бассейне ей все же послышалось, хотя от Ариши можно всего ожидать.

Соня принюхивалась к чудному запаху кофе и Аришиных сигарет и радостно предвкушала длинное неспешное утро. К шести Левка отвезет Соню на вокзал, а сейчас они с Аришей будут долго и подробно завтракать, потом опять пить кофе, затем валяться на диване и болтать, потом поджарят гренки и опять вернутся на диван – так и день пройдет, весь в неге и гренках.

...Болтать, валяться на диване, жарить гренки – не тут-то было. У Ариши ни дня без строчки. Дома Аришина жизнь проходит зря.

– Сейчас мы пойдем в клинику, совсем рядом, там сегодня один классный хирург дежурит, Барби собирается за него замуж. Он нас проконсультирует, – присаживаясь у Сони в ногах, небрежно сказала Ариша. Таким небрежным голосом она обычно требовала чего-то совсем уж несусветного. Все несусветное обычно находилось совсем рядом, было классным и по воскресеньям дежурило и консультировало Аришу. – Кстати, пациенткой будешь ты.

Оказалось, Ариша давно подумывала о пластике лица. Но не хотелось напрямую обращаться, хотелось сначала все узнать, а потом уже думать и бояться. И главное, не хотелось, чтобы кто-то узнал... Пусть как будто это Соня хочет сделать пластику лица, а не Ариша?.. Да, конечно, она понимает, что ведет себя как детсадовец... Ну, пожалуйста, ну кому она еще может довериться, кроме Сони?..

– Кстати, тебе, Соня, тоже давно уже пора что-нибудь с собой сделать. Тебе уже тридцать восемь.

– Мне тридцать шесть!

– Скоро будет тридцать восемь.

Ариша бросилась на подушки рядом с Соней, и тут же раздался тягучий бразильский голос: «Когда дон Педро выйдет из комы, мы будем совершенно счастливы... А теперь извини меня, дорогой, мне нужно надеть свои изумруды».

– Вечно я сажусь на этот чертов пульт... – проворчала Ариша и задумчиво повторила: – Когда дон Педро выйдет из комы, мы будем совершенно счастливы... Мы будем совершенно счастливы, когда дон Педро выйдет из комы... Соня! Ты будешь пациенткой вместо меня! – Ариша будто вцепилась в Соню хищным коготком, и хотя вообще-то Соня была не из тех, кого можно использовать, но... почему бы и не побыть немного пациенткой классного хирурга?

– Хорошо, идем. И пусть к нам с тобой заодно пригласят психиатра... А теперь извини меня, дорогая, мне нужно надеть свои изумруды...

Клиника действительно оказалась в пяти минутах от Аришиного дома – в Потаповском переулке. Узкий проход между двумя особняками к салатного цвета дому начала века – двадцатого, конечно, века, простая белая дверь, на окнах первого этажа решетки. У входа три огромные липы.

Посреди вестибюля стояла девочка – облачко золотистых волос, из-под халатика фантастической белизны струились длинные ножки.

– Барби, – позвала Ариша и возбужденно прошептала: – От-Барби-тоже-секрет.

Не то чтобы Ариша не любила Барби, просто Барби была для нее вторична, – младшая сестра, на восемнадцать лет моложе. Аришины родители сами очень удивились, что Барби у них родилась. Их общей маме было всего тридцать девять – хороший по современным понятиям возраст для второго ребенка, но тогда, двадцать лет назад, Арише казалось, что родил

Мафусаил. Любой намек на сексуальные отношения ее пожилых родителей казался Арише неприличным, а сама Барби была каким-то плаксивым слюнявым довеском к спокойному устоявшемуся быту. Ариша отгоняла ее от себя, придумывала ей поручения, чтобы не лезла, – вот и вся Барби.

Соня и Барби улыбались друг другу, и обе чувствовали какую-то неловкость, как бывает, когда между людьми подразумеваются какие-то близкие отношения, которых на самом деле нет и никогда не было. Соня не могла решить, поцеловать ли ей Барби и как к ней обратиться, – Барби?.. Взрослая девушка, может обидеться на детское семейное прозвище... а как ее зовут по-настоящему, Соня вдруг начисто забыла.

Барби была хорошенькая, как... как Барби, бело-розовая воздушная прелесть, глазки-губки – ничего общего с Аришей. Шелковые длинные ноги, высокая грудь видна в вырезе халата. Взрослая совсем девочка. Учится в медицинском? И сколько же ей лет, двадцать?.. Рядом с ней Соня неприятно ощутила себя безоговорочно взрослой и слишком черноволосой – взрослой черной галкой.

– Я чувствую себя твоей пожилой родственницей. Знаешь, такой, которая трясет головой и бормочет: «Деточка, я тебя помню маленькой, и вот ты уже собираешься замуж... Ты очень красивая... Можно я тебя поцелую, деточка?..» – дребезжащим старушечьим голосом проговорила Соня.

– Здравствуйте, можно, – заторопилась Барби, неловко подставляя щеку.

Иногда хорошо быть избалованным ребенком. Кажется, что никто никогда ни в чем не откажет, просто потому, что не знаешь, что такое отказ.

Для студентки попасть без протекции в известную частную клинику все равно что взлететь в космос прямо с Чистопрудного бульвара, а вот Барби взлетела, то есть попала в клинику. Зашла с улицы и, предъявив главврачу свою бело-розовую прелесть, попросила – можно ей, студентке третьего курса, походить-посмотреть, как тут все устроено? Можно?.. Главврач от удивления разрешил. Барби походила-посмотрела, а вскоре и роман завелся, роман с самым лучшим, самым ценным здесь хирургом Князевым.

И теперь Барби продолжает учиться, а в клинику ходит на интересные операции – смотрит, набирается опыта. Обычно в частных клиниках не разрешают на операциях присутствовать, но ей можно, потому что... Она потупилась и счастливо блеснула глазами, выдохнула: «Мой Алексей... он здесь самый лучший». «Мой? – подумала Соня. – Ненавижу, когда говорят „мой“».

– Пойдемте, – важно сказала Барби, – вас ждут.

– Нас тут все знают, кости бесплатно дают, – пробормотала Соня, любительница советских мультфильмов, поднимаясь по лестнице с чугунными узорчатыми перилами.

– Не забудь! – шипела Ариша. – Не забудь! Я буду спрашивать, а ты как будто вообще ничего не понимаешь, просто сиди как дура.

Если бы Ариша высадились на необитаемом острове, местные Пятницы вскоре уже завели бы вокруг нее светскую жизнь. Любое Аришино мероприятие, будь то посещение врача, школы или химчистки, всегда загадочным образом преображалось во что-то гораздо более интересное для всех участников. Вот и сейчас Ариша так привольно расположилась среди немудреного интерьера, так рьяно принялась играть в «гостей», курить, болтать, по-хозяйски разливать чай на низком столе с дежурной коробкой конфет, что все это больше походило на светский визит, нежели на консультацию у врача.

– Девочки, давайте, не стесняйтесь... – резковато произнес доктор Князев. Сидит, подавшись вперед, опершись на сильные, с длинными пальцами руки, смотрит внимательно, то ли на них, то ли в себя. Как будто ему скучно с ними, как будто его оторвали от чего-то важного и

заставили рисовать домики. Рисует домики и думает о своем важном. И называть его почему-то хотелось по фамилии. Физик Гусев. Военврач Устименко. Хирург Князев.

– А мы и не стесняемся, – заявила Соня. Потянулась за конфетой, задела чашку и обаятельно улыбнулась – не обращайтесь на меня внимания, я же дура, уронила конфету и опять полезла в коробку. Вслепую переложила в сумке сигарету из пачки в старинный серебряный портсигар – когда-то она решила, что будет курить красиво, но так никогда и не пользовалась портсигаром, ленилась. Красиво достала портсигар, красиво вынула сигарету, красиво сунула в рот.

– Не тем концом, – сказал Князев. Он был не в белом халате, а в джинсах и тонком свитере, но почему-то в марлевой повязке, – сигарету не тем концом...

– Это я от ужаса. Марлевая повязка всегда действует на меня гипнотически, – смущенно хихикнула Соня. – Врач – это такая героическая профессия. Помните, врачи прививали себе разные страшные болезни, туберкулез и другие?.. А пластический хирург может в интересах науки привить себе целлюлит. Ой!..

Ариша резко наступила Соне под столом на ногу и посмотрела значительно – Соня, конечно, находится здесь в качестве дуры, но все же не ТАКОЙ дуры.

– Повязка, потому что Алеша простужен, – любовно пояснила Барби и смахнула с плеча Князева только ей видимую пылинку.

Золотое облачко волос, шелковые ноги, радостное возбуждение, нежность – все для него... И не такой уж она ребенок, у нее желание прямо из глаз рвется!..

...Наверное, потом они поедут к нему, и Барби будет поить его чаем с малиной и колдрексом, и поправит ему подушку, и погладит его по влажному плечу, а потом они будут любить друг друга, а Соня в это время будет в поезде Москва – Санкт-Петербург.

В кабинет заглянул человек, толстенький, лысенький, сверкнув золотыми зубами, начальственным тоном поинтересовался – это у вас тут что, это у вас тут надолго? Барби испуганно вскочила, и даже Соня с Аришей машинально подобрались, как дети при виде учителя.

Доктор Князев невозмутимо пожал плечами, пробурчал – как пойдет.

...Сама хочу поить его чаем с малиной. Все хоть немного да меняются в зависимости от того, с кем разговаривают, для мамы один тон, для посторонних другой, для начальства третий. А Алексей Князев нет, не меняется. Фигура, равная сама себе, вот он кто.

– Ну вот, Соня хотела проконсультироваться, э-э... что вообще можно сделать... – бодро заблеяла Ариша и окликнула Князева, смотревшего на Соню: – Алексей?..

– Да. Существуют два типа старения. В первом случае ослабевают мышцы лица, а во втором...

– Можно я? – привстала Барби.

Золотое облачко волос, шелковые ноги, радостное возбуждение, нежность – какая гадость! Она так восторженно обожала своего лучшего в мире Князева, так гордилась своей лучшей в мире любовью, что в Соне внезапно проснулось злобенькое желание – ущипнуть бы ее. Сильно ущипнуть, так, чтобы эта влюбленная девочка прямо сейчас узнала, что на свете бывает боль... Или можно не щипать, но тогда немедленно самой оказаться Барби, такой юной, такой «все впереди». Самой, замирая от нежности, сдвигать с его плеча невидимую пылинку.

– При старении по второму типу лицо покрывается морщинами. Такие лица долго остаются молодыми, пока в один прекрасный день не сморщиваются, как печеное яблочко. А у Сони первый тип старения, правильно? – с видом учительского любимчика спросила Барби.

– Да... у меня первый, – с конфетой во рту невнятно подтвердила Соня, – а может быть, сразу оба... Думаю, я старею сразу по всем типам – видите, прямо на глазах... Можно мне еще конфету?

Князев кивнул – конечно, конечно! Может быть, еще коробку принести? Или сразу две?

Со стороны все они выглядели чрезвычайно странно – как актеры, уверенные, что играют в ансамбле, тогда как на самом деле каждый играет не только сам по себе, но и свою собственную пьесу. Ариша консультировалась изо всех сил – водила пальцем перед Сониным лицом, пытаясь использовать ее как демонстрационный материал, и быстро-быстро задавала вопросы. Соня услужливо играла дуру, подставляла лицо и в качестве дуры съела уже полкоробки конфет, идиотически улыбаясь каждый раз, когда тянулась за конфетой. Барби переводила взгляд с Князева на гостей, словно следила за летающим взад-вперед теннисным мячиком, подскакивала на месте, желая ответить на все вопросы, а хирург Князев невозмутимо смотрел на Соню, откликаясь легкой усмешкой на вдохновенное поедание конфет в его кабинете.

– А что, если улучшить Соне верхние веки, – у нее по утрам припухают глаза... А нижние? Или лучше все сразу? И сколько времени после операции Соне придется ходить в темных очках? И можно ли поправить Соне овал лица с помощью липосакции, или же непременно нужна операция?

– Я не вполне понимаю... у вас пока только небольшие возрастные изменения, – наконец сказал Князев и провел пальцем по Сониному лицу, от подбородка к уху.

– Как это небольшие изменения?! Вот же, посмотрите! – быстро потыкав по своему лицу пальцем, ужаснулась Соня. – Вот здесь морщинка и здесь! А тут складочка! Как мне жить с такой складочкой?!

– Можно ли приподнять Соне уголки губ? – не унималась Ариша.

Ариша была неглупа и в меру наблюдательна, но когда ей было что-то **ОЧЕНЬ НУЖНО ДЛЯ СЕБЯ**, напрочь переставала видеть все, кроме того, что было **ОЧЕНЬ НУЖНО ДЛЯ СЕБЯ**.

– Да-а... второй подбородок, – печально вздохнула Соня, опустив голову и безвольно отвесив челюсть, – ужас что делается... мышцы совсем ослабли, еле голову держу...

– Я вижу... – Князев приподнял в ладонях ее лицо и решительно произнес: – Вот что я вам скажу. Положение критическое.

– Да-да, – с готовностью подтвердила Соня, – критическое...

– Вам поможет только операция. Немедленно. Круговая подтяжка лица. Сейчас я вам выпишу направления на анализы.

– Спасибо вам, доктор, – преданно сказала Соня. – И еще... мне неловко, но мы тут все свои... в общем, я бы хотела уменьшить грудь...

– То есть, наоборот, увеличить? – подсказала Барби, глядя на маленькую Сонину грудь.

– Нет, уменьшить, – упрямо ответила Соня и взяла последнюю в коробке конфету.

– Сделаем, – бодро ответил Князев, – новое тело и новое лицо под одним наркозом. Еще чего-нибудь желаете?

Только что переполнявшее Барби счастливое возбуждение растаяло, оставив вместо себя серую гадостную лужицу недоумения и обиды... Эти двое как будто танцевали свой танец, и такое между ними повисло сильное напряжение, что Барби поняла наконец – сегодня, сейчас, не ее праздник. Визит старшей сестры с важной питерской подругой, который должен был быть триумфом ее взрослости, демонстрацией качества избранника, превратился в чужую игру, из которой ее пренебрежительно выдавили, словно она провинилась в чем-то или не знала правил. За что?!. Казалось, она вот-вот безобразно, как невоспитанный ребенок, закричит «а-а-а!»...

И Ариша наконец осеклась, поняла, что происходит в кабинете хирурга Князева.

– Ты закончила консультацию? – насмешливо спросила она Соню. – Все?

– А что, конфет больше нет? Ну... тогда все. – И хирург Князев с Барби проводили своих гостей к выходу.

– Почему женщины не могут признать очевидного? – проворковала Соня, слегка споткнувшись и ударившись о чугунные перила, так что Князеву пришлось подхватить ее под

руку. – Ведь пластическая хирургия не всесильна, вот например, – разве возможно из меня сделать такую юную прелестную девушку, как Барби?

– Возможно... то есть нет... то есть, конечно, такую невозможно... – пробормотал хирург Князев, совершенно запутавшись.

* * *

Ариша схватила Соню за руку, и она тоненьким голосом начала прощаться, вежливо благодаря хирурга Князева за врачебный такт, и конфеты, и понимание, особенно по части второго подбородка.

– Будете в Петербурге, приходите в Эрмитаж, я вам мумию покажу, – пообещала Соня, и Барби в ответ вдруг по-взрослому блеснула глазами – «сучка!».

Редко кто умеет необходимо промолчать в ответ, не смутившись и не смутив, а вот Князев умел, и сейчас он, не отвечая, смотрел на Соню, несмущенно и необходимо. Затем ласково улыбнулся Барби, и в его взгляде неожиданно мелькнула застенчивость. Это было так явно предназначено Соне, а не Барби, что Соне стало неловко, она как-то засуетилась, заулыбалась: «До свидания...»

– Что это? Что это вообще?.. – дрожа губами, растерянно бормотала Барби, тяжело привалившись спиной к входной двери, словно странные пациенты могли вернуться. – Что это вообще было?

– Ты что-то сказала, малышка? – переспросил Князев и взял ее за руку. Барби приободрилась, встряхнула золотисто-рыжими волосами. Как будто Дед Мороз вручил ее подарок другой девочке, но потом спохватился, и подарок все-таки достался ей. И потянула хирурга Князева наверх, возбужденная, как щенок, который уже считал, что хозяева покинули его навсегда, и внезапно – счастье!

– Ну? – грозно спросила Ариша, как только они оказались на улице.

Они с Соней встали под голыми весенними липами, зажмурились на солнце, закурили.

– Что «ну»?.. – Соня невинно потупилась и сказала виноватой скороговоркой: – Ты не находишь, что некоторые профессии по определению очень сексуальные, например военный летчик или... хирург... Я же не виновата, что хирурги – это моя слабость. Они такие мужественные... Представь себе, что этот Князев с утра просыпается, пьет чай, как все, а потом идет и кого-то режет... и так каждый день. Ужасно сексуально, правда?

– Ну? – еще более грозно повторила Ариша.

– Что «ну»? Вот в стоматологе нет ничего мужественного и сексуального. В отоларингологе тоже нет... и в окулисте...

– Соня! Ты сейчас на Левку похожа, он тоже глазами уплывает, когда его ругают...

– Ох, ну ладно, ну хорошо, мне стыдно. Скажешь доктору Князеву, что твоя подруга из Питера – дебил. В медицинском смысле. Дебил, падкий на хирургов, но, в сущности, безобидный. Да он как врач должен знать.

– Телефончик дать? – вдруг спросила Ариша голосом доброй сводницы. Не то чтобы она хотела сделать Барби гадость, конечно нет. Просто любила любовь.

– Нет.

Соне действительно было стыдно. Князев, конечно, понял, что она кривлялась из-за всех сил, чтобы не быть как все эти дамочки. Такое извращенное кокетство, кокетство ва-банк, – ах, у меня морщинка, ах, у меня складочка. Кривлялась, хотела... понятно, чего хотела. Алексей Князев, положительный, как военврач из старого советского кино, подумает, что она хищница. Хищная зверюга.

...А, впрочем, какой смысл об этом думать? Он уже забыл ее. Высокий, усталый, такой закрытый, словно показывает только половину себя, потому что, кто увидит все, сойдет с ума от его неземной прекрасности. За-был!.. Сколько к нему разных дамочек ходит. Морщинки, веки. Овал лица, целлюлит, форма груди. Тем более, у него есть Барби – без морщинок, без целлюлита. Без овала лица, без век, без формы груди... Барби называет его Алеша...

И Соня вдруг подумала: когда Барби выйдет замуж за своего Алешу, она от него тоже потребует не заниматься ерундой, как Софья Андреевна и как Нина Андреевна... Барби захочет ВСЕГО. Эти воздушные девы, они опасные...

Белая входная дверь клиники резко распахнулась, словно изнутри ее со всей силы пнули ногой.

– Вы сигареты забыли, – запыхавшись, сказал Князев, протягивая Соне сигареты. То есть сигарету. Одну смятую сигарету, выпавшую из Сониного портсигара.

Маленький мальчик, одиноко гонявший поодаль мячик, приблизился к ним и робко послал мяч в сторону Князева. Князев поддал ногой подкатившийся к нему мяч – пас! Улыбнулся и ушел в клинику.

– Да-а, – восхищенно протянула Ариша, разглядывая Соню, словно увидела ее впервые, – что круто, то круто, ничего не скажешь...

Юная Кити так надеялась быть счастливой на балу, а Анна ей все испортила, вела себя некрасиво.

...Как тебе не стыдно, Соня! Барби, она же ребенок, а ты, Соня, старая карга. Но ведь в любви КАЖДЫЙ ЗА СЕБЯ?..

Невский экспресс, Москва – Санкт-Петербург

Если долго смотреть в окно поезда, в сознании происходит нечто странное. Вот перед глазами проплывает покосившийся дом, на стене дома огромными неровными буквами выведено: «Ратников любит Таню К». Кому-то было важно, чтобы люди, проезжающие мимо, узнали – любит. У этой Тани слово «любит» еще вызывает дрожь в душе... На веревке сушатся джинсы, рубашки... Почему она – это именно ОНА, а не кто-нибудь из хозяев этих джинсов и рубашек?.. А если бы ОНА была кто-нибудь из них, думала бы она сейчас, что могла быть кем-то другим и ехать в этом поезде и видеть перед собой лицо Князева?

...Столько там, в Москве, суеты и неурядиц. Неуютно они живут, неправильно, а вот Соня живет уютно и правильно.

а) Любит мужа. Он у нее первый мужчина – не считать же гадость со школьным мальчиком – и единственный. Многие считают, что так не бывает, но почему же не бывает, почему?.. Только потому, что у них самих не так. А вот у Сони так.

б) Ее муж не забывает в кармане кухонно-эротические фотографии любовницы. Антоша растет, не думая, что его папа и мама могут расстаться.

Вывод: Соня живет правильно.

– Знаете анекдот? – спросил Соню сосед. – Человек спрашивает: «Я правильно живу?» – «Правильно. Только зря».

Соня не взглянула на соседа, отвернулась демонстративно. Мысли ее были все меньше и меньше о Москве и все больше о доме, а сама Соня была усталая, потухшая, только что не шипела обессиленно, как сдувшийся шарик. Ожилась только раз – когда сосед, читавший газету, стал приборматывать себе под нос, почему все олигархи и все банкиры в этой стране нерусские. А еще сколько скрытых...

– И не говорите, все другим, все евреям!.. А вы где были, когда банки раздавали? – отозвалась Соня.

Как всякий русский человек, случайно имеющий любимого еврейского родственника, Соня была наивно нетерпима к проявлениям антисемитизма, и там, где еврей притих бы и отодвинулся, всегда бросалась в атаку, как бесстрашный фокстерьер.

– А вам что, достались банки? Может, ваш муж банкир?

Сосед подозрительно всматривался в ее лицо и никак не мог отыскать даже намека на еврейские черты – совершенно в этом смысле безгрешное лицо, если и есть примесь иной, не славянской крови, то скорее татарской.

– Зачем муж? Я сама банкир. А мой муж – чисто славянский олигарх, – подтвердила Соня, – такая уж у нас семья – банкир и олигарх. Так что не все евреям досталось. А вы отсыдьте от меня. А то я сейчас...

Сосед не стал ждать, что она сейчас, и пересел назад, неопределенно покрутив пальцем у виска в качестве моральной компенсации. Сумасшедшая, неровен час, еще укусит. Сучка.

* * *

– Доехала? – позвонил Левка. – Тебя водитель встречает или олигарх собственной персоной?

– Собственной персоной, – ответила Соня.

Анна Каренина ехала в поезде Москва – Санкт-Петербург и думала, что все кончено, а на самом деле все у нее только начиналось. Ну, а в случае с хирургом Князовым все кончено, даже не начавшись, – вот уж это правда.

Все это была игра, шалость, отчего же такая неигрушечная горечь? Странно... как будто на нее вдруг выскочил волк, когда она прогуливалась под зонтиком по санаторной дорожке.

Питер

Московский вокзал

Чисто славянский олигарх с едва уловимым намеком на еврейское происхождение совершал странные пассы на перроне, как будто танцевал падекатр, – три шага вперед, два назад. На самом деле он не танцевал, конечно, а пытался точно рассчитать место остановки вагона.

Алексей Юрьевич Головин только что вернулся с охоты на тетеревов и сам встречал свою жену, но вовсе не потому, что растроганно думал «ах, какая же прелесть эта Соня». Ее неожиданный отъезд в Москву вызвал у него такое же ошеломление, как если бы тетерев, вместо того чтобы упасть от его выстрела, вдруг приосанился и наставил на него ружье. И вот теперь Алексей Юрьевич хотел посмотреть этому нахальному тетереву в глаза.

...А вот и тетерев.

– Соня, – сказал он, радуясь, что рассчитал правильно, с погрешностью всего в один шаг.

Алексей Юрьевич Головин не был похож на олигарха, во всяком случае на киношного олигарха, красавца, почти секс-символа с умными усталыми глазами. В критические моменты у него ходят желваки, железнеет лицо, вырастают клыки и когти, а в остальное время он тих и печален, потому что он, как царь Мидас, весь во власти своих денег, от которых ему уже дурно, – деньги не принесли ему нисколечко счастья, а лишь прибрали его к себе... Личная жизнь у него обычно очень драматичная и сильно пьющая, так как по дороге к тем вершинам, где олигарх потерял свою человеческую сущность, личная жизнь тоже чего-то такого не выдержала и запила.

Алексей Юрьевич Головин ни в коем случае не был секс-символом, и красавцем тоже не был, а был невысок, худощав и приятно невзрачен. Про таких, как Головин, бабушки на лавочке одобрительно говорят «очень приличный мужчина». В юности он был похож на серого мыша, но с возрастом мышастость уменьшилась, а сероватость превратилась в сдержанное изящество. Сейчас, в сорок два года, несмотря на свою мелкость, Алексей Головин был не «вечный мальчик», а именно что солидный, украшенный деньгами мужчина, с бывшим никаким, а нынче вполне хорошим мужским лицом. И даже ранняя лысина и слегка оттопыренные уши его нисколько не портили. К тому же он как-то особенно ловко двигался, и по ловкости движений в нем угадывался человек, который регулярно делает со своим телом все, что положено, – тренирует в спортзале, катает на лыжах, обливает холодной водой и так далее вплоть даже до восточных единоборств.

Личная жизнь у Головина была не драматичная, как у киношного олигарха, а семейная, и жена его Соня не пила и не устала от денег, а, наоборот, со здоровым удовольствием открывала для себя всякие изысканные мелочи, например, что обувь от Manolo Blahnik или Gina нравится ей больше, чем Prada.

Слово «олигарх» с оттенком «богатый придурок» тоже совсем не подходило Головину. Никакой придурковатости, никаких нелепых, не сочетающихся друг с другом дорогих вещей не было в его облике, напротив, он весь был выдержан в академическом стиле: белая рубашка, галстук, кашемировый пуловер, пиджак в тонкую полоску на тон темнее пуловера, тусклый шелковый шарф под полурасстегнутым плащом – такая скучно-элегантная капуста. Соня, если бы ее спросили, предпочла бы более спортивный стиль.

Теперь насчет Сониного соседа с газетой, – он бы точно сказал: опять, черт подери, олигарх не без еврейской крови. И это было бы неправдой.

Алексей Головин мог бы назвать себя поляком, евреем, или русским, или еще кем-нибудь. Мать его была наполовину русской, наполовину полькой, а в его отце, которого он не

помнил, тоже было намешано несколько кровей, одна из которых действительно была еврейская.

По еврейскому закону, признающему своих детей только по матери, Алексей Юрьевич и не был евреем, но никакой закон здесь был ни при чем, – Головин сам себе закон. Головин сам выбирал, кем ему быть в жизни в целом и по национальности в частности, и выбрал – русским. Да и внешне он был не из тех, кому кричат в трамвае «жидовская морда», а из тех, о которых при случае с удовлетворением говорят: «Ага, я так и думал, что в нем есть еврейская кровь» или: «Ага, я так и думал, что в нем нет еврейской крови». И так, и так можно.

Так что напрасно Левка дразнит Алексея Юрьевича Головина придурком и олигархом, он был ничуть не похож ни на того, ни на другого. Но ведь Левка кем только своего родственника не называет, и неприличным словом, подчеркивающим его небольшой рост, и андроидом, и железным дровосеком, и человеко-компьютером, и даже уверяет, что Алексей Юрьевич Головин работает от сети, – так ведь это все от обиды, что Алексей Юрьевич с ним больше не играет.

А может быть, это между Левкой и Алексеем Юрьевичем была зависть? Зависть – хороший повод для ссоры, понятный.

Тогда все просто – Головин подсознательно завидовал Левкиному обаянию, а Левка вполне сознательно завидовал его успеху и богатству. Нет, «богатство» – это все-таки что-то из «Графа Монте-Кристо», и Левке не нужны были россыпи драгоценных камней и замки, а нужна была спокойная уверенность Алексея Юрьевича в том, что весь мир существует для него – горнолыжные курорты и экзотические острова, Венская опера и Бонд-стрит, Лапландия и Нордкап. Левку ужасно раздражало ВСЕ: умение Головина жестко планировать свой успех, плавность, с которой он вошел в другое качество жизни, несуетливое отношение к брэндам – костюмы Brioni хорошо сидят, значит, нужно один раз в году купить в Лондоне и забыть, Chateau Margaux – да, хорошее вино, но, вообще-то, он не знаток. И даже то, что он Соне не изменял, раздражало. Это какая же у мужика должна быть фантастическая уверенность в себе, если он в мужской компании так прямо признаётся – столько-то лет живу и не изменяю... жена, говорит, у человека бывает одна, да он к тому же не по этой части... А по какой же он тогда части?!

А по какой же он части, можно было прочесть в справочнике «Кто есть кто в Санкт-Петербурге».

«Кто есть кто в Санкт-Петербурге» содержит биографии наиболее известных петербуржцев, представляющих все основные сферы профессиональной деятельности: власть, науку, образование, культуру, бизнес и т. д. – так, во всяком случае, написано на обложке. А внутри были очень разные люди. Некоторые из них уже не петербуржцы, а москвичи, некоторые навсегда остались «кем-то» для всей страны, а кое-кто просто исчез, не только из справочника, а вообще из нормальной жизни. Что же касается Алексея Юрьевича Головина, то он собирался остаться в справочнике «Кто есть кто» надолго, навсегда.

На 26-й странице справочника «Кто есть кто» было написано вот что:

Головин Алексей Юрьевич.
Ректор Академии всеобщего образования.
Родился 1 января 1961 года в Ленинграде. Окончил Политехнический институт им. Калинина.
Доктор физико-математических наук.
Женат, имеет сына.

В справочнике «Кто есть кто» не было отмечено, что Алексей Юрьевич Головин был самым молодым ректором Санкт-Петербурга, самым молодым и самым модным, – любимцем питерского телевидения, желанным гостем на аналитических программах. Также не было отмечено, что Алексей Юрьевич был не просто ректором, а собственником, владельцем Академии

всеобщего образования, в просторечии Всеобуча. Также не было отмечено, откуда у доктора физико-математических наук взялась эта самая Академия. Все же первое в городе крупное коммерческое учебное заведение – это не шесть соток в ближнем пригороде. Можно было бы застенчиво написать – «в 90-е годы занимался бизнесом», каким именно, неважно. Тем более, никакой страшной тайны здесь не было – Головин не торговал наркотиками или оружием, а продавал компьютеры и компьютерные программы и затем, вложив свои деньги и взяв банковский кредит, на пустом месте (буквально на пустом месте – на пустыре) создал Академию. Что же касается доходов, то всякий, кто умеет считать, может перемножить несколько тысяч обучающихся единиц на стоимость ежегодного обучения, вычесть сколько захочется на процесс обучения, пиар и продвижение брэнда и получить такую астрономическую сумму, что... ах!.. Ну, и хотя конечно же формально Академия Всеобуч принадлежала не одному Головину, в юридическом смысле он чувствовал себя абсолютно защищенным, – Алексей Юрьевич был исключительно осторожный человек.

Еще в справочнике «Кто есть кто» не было отмечено, что многие питерцы в Академию Всеобуч своих детей не отдавали, предпочитая прежние учебные заведения, и повышение престижа Академии было одной из самых важных задач Алексея Юрьевича. И лысина, которая появилась у Головина, едва он окончил Политехнический институт им. Калинина, и слегка оттопыренные уши тоже не были отмечены в «Кто есть кто», а ведь это ВАЖНО.

В женщине, которая вышла на перрон навстречу ректору Головину, никто не узнал бы ту, что три дня назад, запыхавшись, изо всех сил держалась за поручень, чтобы поезд не ушел без нее. Она больше не была «сучкой» и не была тоненькой сонной красавицей непонятного возраста, а вдруг на глазах стала старше, даже уголки губ слегка опустились, и, возможно, разговоры о пластике лица не показались бы уже такими смешными.

– Ну что скажешь в свое оправдание, путешественница? – сухо зато осведомился Алексей Юрьевич. Он слегка качнулся к жене, но не поцеловал. Не мальчишка же он – целоваться на вокзале. – Что это было?.. Остапа понесло?

Алексей Юрьевич любил «Двенадцать стульев» и часто цитировал, а Соня про себя раздражалась – ей это казалось пошлым.

– Левка... у Левки... – пролепетала Соня, как девочка, но Головин едва заметным движением бровей отмахнулся от Левки как от возможной темы для своего с Соней разговора, и она смешалась, замолчала... Предвкушала в дороге – сейчас приеду, ка-ак расскажу все, но это «все», что в поезде представлялось важным, оказалось совсем неважным. Действительно, не рассказывать же тут, на вокзале, про плачущего Олежку, про Левку с его любовницей и тоской?..

– Что не так? – спросил Алексей Юрьевич, поймав Сонин внимательный взгляд.

– Все хорошо. – Соня поморщилась, и лицо у нее стало обиженное и удивленное, как у ребенка, который страстно хочет что-то, но почему-то не может это иметь.

Когда знаешь своего мужа с юности, то и такого, лысого и скучно-элегантного, все равно видишь мальчиком. А Соня всегда знала своего мужа не мальчиком, но мужем и сейчас вдруг подумала о нем как о постороннем, со смешком, – Головин похож на запертый на ключ, до блеска отполированный книжный шкафчик.

...А хорошо было бы бежать навстречу все равно кому по Летнему саду, и чтобы этот все равно кто был в черной кожаной куртке и ждал ее, раскинув руки, и чтобы с разбега упереться лицом в грудь, и чтобы вдохнуть запах кожи и еще чего-то неуловимого...

Ну, что не так? Уши, конечно. Анна приехала из Москвы и вдруг заметила уши Каренина. Уши у него были и прежде, просто она уже была влюблена.

...Вронский приехал вслед за Анной, подошел к ней на вокзале... Алексей Вронский за Анной приехал, а Алексей Князев за Соней нет, не приехал. Вронский был свободен, а у Князева операции – круговые подтяжки, липосакции, изменение формы груди... У современного человека нет времени на романы в формате Москва – Питер...

А если бы Вронский НЕ приехал за Анной, взял бы и затусовался в Москве, в полку, или у него были бы плановые операции? То НИЧЕГО бы и не было? Ни страсти, ни поезда, ничего?..

А про уши Соня, честное слово, не специально. У Головина же есть уши? Есть. Ну, оттопыренные слегка, и что же? Нормальные уши и нисколько ее не раздражают.

Но вот что странно – уши, но не Алексея Юрьевича, а заячьи уши сыграли значительную роль в Сониной жизни. Неприятную роль. Но человек может справиться с любыми ушами, даже с заячьими ушами своего детства.

О влиянии заячьих ушей на формирование личности

Белая шапочка, сшитая из простыни, к которой неровным швом приметаны заячьи уши, довольно потертые, залежавшиеся между простынями в комодике Нины Андреевны, перешли к Соне по наследству.

Считается, что любая женщина – это результат ее отношений с матерью. Так это или нет, неизвестно, но история Сониной личности и даже история ее брака отчасти действительно была историей ее отношений с матерью.

Нина Андреевна сшила заячьи уши для Левки к елке в детском саду – это правда, от которой никуда не деться. А спустя годы уши перешли к Соне. Все девочки были снежинки в пенящихся марлевых или даже капроновых юбочках, а Соня в потертых ушах была зайчиком – как мальчик. Она со слезами на глазах рассказала длинное трогательное стихотворение и потом танцевала в потертых заячьих ушах, а Нина Андреевна горделиво поглядывала на других мам, – какая у ее Сони красивая душа. Но ведь уши тоже важны, а не только душа...

Соня и в дальнейшем была не чужда искусству, вернее, разным искусствам. Сначала она самостоятельно отправилась на прослушивание в соседнюю музыкальную школу.

Соня упоенно пела песенку про утенка и кричала для большей художественности образа: «Кря-кря, кря-кря...»

– Ты умница, но у тебя совсем, категорически нет слуха, – сказала молодая учительница и задумчиво добавила: – Кря-кря.

Затем Соня попыталась определить себя в балет. Па, которые она упоенно выделяла со счастливым лицом, заставили комиссию привстать, чтобы посмотреть повнимательнее, – это же чудо, как такая тоненькая девочка может быть такой потрясающе, невероятно неловкой?..

– Ты умница, но... – опять услышала Соня.

Она не сдалась и начала сочинять стихи. Послала стихи в журнал «Пионер» и в «Мурзилку», из «Пионера» получила ответ «никуда не годится», а из «Мурзилки» – «старайся писать лучше». Оба ответа восприняла как похвалу – «лучше» ведь значит, что она уже пишет неплохо, а «никуда не годится» означало внимание к ней, если было бы плохо, ей бы совсем не ответили. Прятала ответы под матрацем, надевала на себя мечтательное выражение лица, когда среди девочек заходила речь о тряпках, – она уже не появлялась в обществе в заячьих ушах, но ее не очень хорошо одевали. И долго еще писала стихи, а лет в семнадцать перестала – все ушло, затерлось обычными словами, как будто снег зимой покрыл ВСЕ.

Не то чтобы эти уши нанесли ей психологическую травму на всю жизнь, быть зайчиком тоже неплохо, но именно после этого случая она начала свою кампанию за красоту в собственной жизни, – чтобы больше никогда НИКАКИХ УШЕЙ. Может быть, она и замуж вышла по расчету, – чтобы у нее никогда больше не было потертых заячьих ушей.

Дома

У семьи Алексея Юрьевича Головина для счастья было все. Не в том смысле, что – у них все было, а вот счастья-то, ах, не было. Просто у его семьи для счастья ВСЕ было. Алексей Юрьевич очень хорошо понимал, что для счастья нужно все правильно приготовить, как готовят для новорожденного кроватку, пеленки, памперсы... Первостепенно важно, где именно происходит счастье, на какой жилплощади и в каких интерьерах.

Семейство Головиных проживало на Таврической улице, напротив Таврического сада. Жилье их было настоящее питерское – место одно из самых дорогих в городе, дом один из самых красивых в городе, с эркерами и балконами с узорчатыми решетками.

Казалось, весь дом должен был быть заселен такими Алексеями Юрьевичами в безупречных костюмах, но нет.

Сколько ни расселяли коммуналки, они все равно БЫЛИ. Жили себе и в ус не дули, что не полагалось им уже БЫТЬ, что из-за них этот дорогой красивый дом никак не мог превратиться в «социально однородное жилье». Социальная неоднородность представляла собой личную неприятность и головную боль Алексея Юрьевича – она никак не хотела выметаться из этого дома и буквально лезла из всех щелей, к примеру, жуткий, с облезшей штукатуркой подъезд, хоть и закрытый на кодовый замок и живого охранника, остался прежним с советских времен и по-прежнему припахивал советским подъездом. Подойдя к своему подъезду, Головин, как всегда, вздохнул и, как всегда, недоуменно покосился на огромный балкон, опоясывающий угол дома, – балкон отчего-то принадлежал не ему. Так что когда Алексей Юрьевич звонил в дверной звонок охраннику, он всякий раз испытывал недоумение, оттого что ЕГО ПЛАНЫ нарушались социально неоднородным окружением.

...Алексей Юрьевич не был на Таврической улице самозванцем. Алик Головин с рождения жил на Таврической улице в кладовке шведского посла.

Советская власть превратила апартаменты последнего в Петербурге посла в жилплощадь для трудящихся. Трудящиеся Головины, мама с сыном, владели кладовкой – в ней жил Алик, и небольшой частью танцевального зала.

В кладовке можно было стоять, лежать на диване и боком сидеть за крошечным письменным столом. Пятиметровый потолок создавал одинаковое с любого места ощущение, словно находишься внутри карандаша.

Во второй комнате тоже было интересно, так что впервые приходящим гостям хотелось потрясти головой и сказать – где я, что я?.. С одной стороны зала было огромное окно, с другой – камин белого мрамора в золотых завитках и две двери, в коридор и в кладовку, поэтому мебель стояла не у стен, а веселилась посередине, как будто диван, шкаф и стол вышли потанцевать. В общем, типично питерское жилье, нелепое, безумное, дающее ощущение причастности к былой роскоши.

Разбогатев, Алексей Юрьевич начал методично осваивать пространство и пошагово восстанавливать бывшие владения посла, и теперь ему уже принадлежал весь этаж, кроме одной квартирнки, состоявшей из сорокаметрового зала без мебели, но с портретами по стенам и вожделенного балкона. Но самым обидным во всем этом безобразии был даже не вожделенный балкон и не сорокаметровый зал, а то, что поведение древнейшей бабульки-владелицы балкона не соответствовало никаким законам человеческой логики.

Алексей Юрьевич был человек из справочника «Кто есть кто», ХОТЕЛ здесь жить, и выходить на круговой балкон, и любоваться Таврическим садом. Бабулька была старорежимная и немного сумасшедшая, хотела здесь умереть, предпочтительно от голода и на глазах Алексея Юрьевича. Так, она сказала: «Ни за что, лучше умру от голода». Алексей Юрьевич отказался от всевозможных престижных вариантов, не пожелал жить ни в загородном доме,

ни на Крестовском острове, а огромный балкон, опоясывающий угол дома, принадлежал не ему, а старорежимной бабушке с внучкой.

Откуда, кстати, у бабушки такая небольшая внучка – лет двенадцати, и где ее родители, конечно же алкоголики? Внучка тоже была немного не в себе, обе они с бабушкой забыли, какой век на дворе. Девочка странная – ну а какой же ей быть, если у них даже телевизора не было. И если кто-то думает, что в Петербурге в начале XXI века это НЕВОЗМОЖНО, так нет же – возможно, и вот точный адрес, по которому это ВОЗМОЖНО: улица Таврическая, дом 38 А, вход со двора...

В подъезде как символ новой жизни сидел охранник и висела купленная лично Алексеем Юрьевичем люстра – на вид совершенно старинная, затейливая, с ангелочками и кружевами, ампирная. На самом деле люстра была не ампир XIX века, а ампир XXI века – дешевая пластиковая подделка.

Соня неслась по лестнице, радостно возбужденная, как перед встречей с любимым мужчиной. Алексей Юрьевич спортивным шагом поднимался за ней и четко излагал ей в спину свои МЫСЛИ:

– Имей в виду, я крайне недоволен твоим сыном. Позавчера заглянул к нему в комнату – опять все разбросано. Посмотрел дневник – замечание «потерял форму». Я нашел форму. На нем. Да-да, на нем – он ее утром надел, чтобы в школе не переодеваться, и забыл.

Соня знала своего сына Антошу уже двенадцать лет, поэтому несколько не удивилась. Алексей Юрьевич знал своего сына Антошу ровно столько же, но почему-то не уставал удивляться. Когда особенно удивлялся, переходил в разговорах с женой на «твой сын».

Ребенком пухлощекий Антоша был похож на печального ангела. В первом классе к нему приставили специальную девочку для того, чтобы в начале каждого урока она выкладывала из ангельского портфеля нужные тетрадки и учебники. Сам ангел задумывался, уплывал в свой мир, а с неохотой возвращаясь обратно, оставлял в этом своем мире разные вещи – ранец, куртку, ботинок... С тех пор не многое изменилось. Но в школе к Антоше были снисходительны – в частной школе неподалеку от Таврического сада. Снисходительность стоила пятьсот долларов в месяц.

– Несобранность. Безответственность. Он думает, что за него все сделают, – настырно продолжал Головин.

– Подумаешь, утром оделся, днем забыл... Он же у нас уже подросток, – Соня произнесла это слово ласково, как «цветочек», – рассеянность в подростковом возрасте – это нормально, потому что...

– Ты в своем уме? – коротко и зло сказал Алексей Юрьевич. – Ты не просто поощряешь в парне разболтанность, а еще подводишь под это теоретическую базу...

Соня вздохнула и виновато поморщилась, как будто это она надела на себя физкультурную форму и забыла в уверенности, что за нее все сделают – разденут, обнаружат форму и отправят на физкультуру.

Дома они мгновенно разделились. Алексей Юрьевич направился в кабинет, а Соня бросилась к Антоше – в детскую, в конец длинного коридора, мимо семи комнат шведского посла. Вернее, не мимо, а сквозь, в обход, прямо, налево, затем направо... Квартира была прямоугольная, но внутри этого прямоугольника было множество вариантов – можно было ходить друг за другом по кругу и кричать «где ты?» – «я тут!» Но пойти на голос еще не означало встретиться. В пятиметровых потолках витало эхо, чуть ли не настоящее горное эхо, поэтому «ты» мог оказаться совсем не «тут».

В квартире бывшего шведского посла, а ныне апартаментах ректора Академии Всеобуч все было прилично, со среднестатистически хорошим вкусом, и деньги ни разу не вылезли ни глупой позолотой, ни мраморной статуей – всё же здесь жили без дураков интеллигентные

люди, доктор физико-математических наук, ректор, создатель первого в городе частного высшего учебного заведения, и Соня. Только однажды, лет десять назад, в счастливом ажиотаже от приобретения сразу нескольких комнат, в голове у Алексея Юрьевича что-то смешалось, завихрилось и пробилось сквозь его обычную сдержанность перламутровым унитазом. Унитаз располагался в центре самой большой ванной комнаты, назывался конечно же трон, и пользоваться им было неудобно. Но за исключением унитаза, сохраненного как памятник годам разнужданного становления капитализма, все было не хуже, чем у шведского посла. И образ жизни семейства Головиных тоже был не хуже, чем у шведского посла, жили они не по мещанским правилам, а светски, как бы параллельно, встречаясь в своей огромной квартире считанные разы – раз в вечер в кабинете, затем в спальне.

Возвращение домой всегда как с разбега в стену – немного обескураживает. На расстоянии все обычное, даже Алексей Юрьевич Головин, казалось Соне прекрасным, а все по-настоящему прекрасное, как Антоша, совсем уж невыносимо прекрасным. Сейчас Соня испытывала мгновенное гадкое разочарование – нет, конечно же Антоша был так же прекрасен, как всегда, и вызывал такое же, как в младенчестве, желание прижать, погладить, ущипнуть, укусить, съесть, но их нежное единение оказалось не таким страстным, как представлялось ей в поезде, когда она глупо думала: пусть у Князева Барби, а у нее зато Антоша... Но какой смысл думать о Князеве?.. Думать о Князеве какой смысл?! Дома?!

– Антошечка, как ты тут был без меня?

– Я один ходил в Петропавловку.

– Ах, – ужаснулась Соня, – один?! Почему один, солнышко?

– Я хотел. Когда я иду по улице один, я чувствую себя таким взрослым просторным мужчиной, а со взрослыми я маленький и мысли у меня воздушные.

Соня закружилась по квартире, как муравей, вроде бы хаотично, а на самом деле по строго выверенным тропам. Квартира огромная, на целый этаж, пока пробежишься по всем тропам, вечер пройдет.

Еще для счастья в семье Головиных было правильное устройство быта, а именно парочка, муж и жена, тетя Оля и дядя Коля. С тетей Олей познакомились давно, когда еще никто не мог представить себе, что домработница такой же необходимый предмет обихода, как холодильник, и появилась она в семье как массажистка для младенца Антоши. Теперь тетя Оля приходила каждый день, выслушивала Сонины сбивчивые указания по приготовлению обеда, которые все больше клонились к «сделайте, что хотите», встречала Антошу, к вечеру оставляла два подноса с ужином для хозяина и для ребенка и уходила, а дядю Колю (так его называли все, кроме Головина) вызывали по надобности – отвезти Антошу на тренировку, тетю Олю на рынок, хозяина куда скажет. Иметь массажистку и домработницу в одном лице было удобно и разумно. Кроме двух подносов с едой тетя Оля отвечала за остеохондроз Антоши и радикулит Алексея Юрьевича. Тетя Оля хвасталась, что работает в доме с перламутровым унитазом неземной красоты, так что унитаз не бесполезно красовался в самой большой ванной комнате, а служил укреплению авторитета ректора Академии Всеобуч среди знакомых тети Оли. Сонины тропы были: к Антоше поцеловать-погладить, затем на кухню и с подносом для мужа в кабинет, потом опять на кухню – покормить Антошу, затем Антошу проводить до ванной, затем на минутку к Антоше в комнату – пошептаться перед сном.

– Антошечка, зайчик любимый, котище косолапый, ласточка маленькая, – ворковала Соня, прижимая к себе Антошу, который как будто колебался – обниматься ему или вежливо от мамы отползти. Соня обнимала его как прежде, когда они еще были одна душа и она рано утром прижимала к себе уже одетого в школьный костюмчик ребенка вместе с портфелем, такого теплого, сонного. Антоша закрывал глаза, а она покачивала его, как младенца, перед тем как отпустить от себя на целый день.

– Ты грустная, – сказал Антоша, – у тебя в Москве что-то плохое было?

– Да... нет. Сама не знаю. Там какой-то другой мир.

– Когда переезжаешь из одного мира в другой, всегда грустно, – прижавшись к ней, произнес Антоша и важно добавил: – Если ты хочешь меня о чем-нибудь спросить, то можешь задать вопрос.

– Можно я тебя очень много раз поцелую? Мальчик мой любимый. Хотя бы сто раз? Можно?

– Нет, – покачал головой Антоша и еще чуть-чуть придвинулся к ней, совсем незаметно.

Соня поцеловала, сто раз не удалось, но все-таки – три. Это была такая игра, вроде бы Антоша уже взрослый и Соня должна его спрашивать: можно поцеловать, можно погладить? – и Антоша может сказать нет.

– Спокойной ночи, мой любимый, – прошептала Соня.

– Пока, – неожиданным баском ответил Антоша.

– Мур-р, – мякнула Соня на прощание под его дверью и, следуя ежевечернему ритуалу, понесла в кабинет стакан кефира. Вечернего чая Алексей Юрьевич не признавал – не полезно.

– Кефир, – сказала Соня, присев на диван наискосок от письменного стола.

Головин одновременно что-то писал, перебирал бумаги, поглядывал в телевизор и читал газету.

– Я соскучилась, – сказала Соня и улыбнулась газете в его руке, как улыбаются милой слабости близкого человека. У Головина была зависимость от печатных знаков. Когда Алексей Юрьевич уставал, чувствовал себя неуверенно или долгое время был на людях, ему необходимо было почитать, он мог зайти в ванную и уткнуться глазами даже в аннотацию на пачке стирального порошка или прокладках, и любые печатные знаки его успокаивали.

– Рассказать тебе про Москву? У Левки с работой плохо, с деньгами плохо... – Соня решила попросить напрямую: – Если бы ты его кому-нибудь порекомендовал...

– Если хочешь, я могу его устроить жиголом или обрезчиком сигар, – доброжелательно предложил Головин. – А у тебя, Соня, стала очень большая грудь.

Соня окинула себя мгновенным изумленным взглядом – как это?..

– Сколько народу на ней плакало – Левка, Ариша... – серьезно пояснил Головин.

Соня не улыбнулась. Они с Алексеем Юрьевичем никогда не смеялись ОДНОМУ, обычно Соня что-то там себе хихикала, ему не смешное. Но ведь не обязательно, чтобы чувство юмора было одинаковое, достаточно, чтобы оно просто БЫЛО, и у Головина оно было-было-было! Он довольно часто смеялся – клоуны, Райкин, «Двенадцать стульев», старая кинокомедия. С ним вообще было удобно иметь дело, как с хорошим механизмом, от которого не ждешь никаких неожиданностей: смеется, когда смеются, хочет ответить на вопрос – отвечает, а молчит – значит, все, конец связи.

– В выходные поедem на дачу, – объявил Алексей Юрьевич, – тренера возьмем, пусть с Антошей поиграет.

Антошин тренер по теннису говорил, что Антоша самый удивительный его ученик, – подняв голову, смотрит на мяч, как на летящую птицу, и ДУМАЕТ. О чем можно думать, когда надо бить по мячу, подкручивать, подрезать?! «Дача» была дальняя дача – небольшой дом с кортом, купленный Головиным для птичьей охоты.

Антоша в охоте не участвовал, плакал, когда отец на даче показал ему мышь, попавшую в мышеловку, а уж птички... Соня бродила по берегу и старалась, чтобы Антоша не встретился с подстреленными глухарями и тетеревами.

– Хорошо, – кротно кивнула Соня.

Опять охота, опять теннис, опять выходные на даче, опять пятничная злость... ну а чего же она хотела – чтобы в неделе вообще не было пятницы? И что толку возмущаться – почему на дачу, почему теннис, почему охота, ПОЧЕМУ всегда все как хочет он?! Иногда она мыс-

ленно совершала прыжок в сторону, задумывала перестать слушаться – НЕ ездить на дачу, НЕ кататься на лыжах, не... не... не... А, к примеру, валяться весь день на диване и смотреть старые советские мультфильмы. Но тут же возвращалась обратно. Все, что делал Алексей Юрьевич, было так правильно и разумно, что перестать слушаться было все равно что назло ему перестать чистить зубы и начать показывать язык в трамвае.

– Пора спать, – вопросительно сказала Соня.

– Послушай, – и Алексей Юрьевич, не взглянув на нее, принялся зачитывать вслух свои бумаги.

Алексею Юрьевичу ее отклик не требовался, даже «м-м, да, ага...» не требовалось, он просто приводил свои мысли в порядок и мог зачитывать свои бумаги все равно кому, даже телевизору. Но если Головин в чем-то и зависел от жены, то только в этом – ему нужно было, чтобы он бубнил, а она сидела.

– Открытие филиала дает возможность организовать учебный процесс таким образом, что... – читал Головин.

Филиал был его любимый проект. Для любого коммерческого учебного заведения очень важно иметь филиал, и экономика тут простая и впечатляющая – больше студентов лучше, чем меньше. Но филиал в городке, где нет ничего, кроме разбитых дорог и коровы на главной площади, это одно, а филиал в городе Сочи, где море, солнце, темные ночи, – совсем другое. Головин хотел открыть филиал в Сочи, и кроме очевидной прямой выгоды это давало возможность стать владельцем земли и зданий на курорте.

Проект сочинского филиала в перспективе удваивал благосостояние семьи, и Соня, вовсе не равнодушная к материальным благам (тридцать пар туфель, др.), казалось, могла бы и заинтересоваться, но благосостояние семьи и без филиала было так велико, что никакое удваивание и даже утраивание не повлияло бы на ее образ жизни, – ведь туфель от этого больше не станет. А возможность стать совладельцем земли и зданий на курорте Соню не прельщала. В общем, для нее это был просто проект... Совсем не то было, когда Алексею Юрьевичу подняли зарплату со ста пятидесяти рублей до двухсот двадцати, – это была поездка в Прибалтику, и новые туфли, и... много всего хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.